

DIGITAL BOOK

ИДДК

МИРЫ АРТЁМА КАМЕНИСТОГО
S-T-I-K-S

ДАНИИЛ КУЛИКОВ

**ПЧЕЛИНЫЙ РОЙ
СЕКРЕТЫ ВНЕШНИКОВ
КНИГА 3**

Даниил Куликов
S-T-I-K-S. Пчелиный Рой.
Книга 3. Секреты внешников
Серия «Миры Артёма Каменистого»
Серия «S-T-I-K-S»
Серия «Пчелиный Рой», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69384097
S-T-I-K-S. Пчелиный Рой. Книга 3. Секреты внешников / Даниил
Куликов: ИДДК; Москва; 2023

Аннотация

Это не Спарта – это Стикс. Тебя не убьют за то, что ты новичок, но пересчитают твоим лбом ступени, пальцы заставят хрустеть под берцами, а ребра отделают прикладом. И как всегда – плохие парни бывают трёх типов – психи и отморозки, готовые полить тебя отборным матом и смеясь резать ещё живого на куски, двуличные предатели, которые зовут тебя другом, но воткнул нож в спину, и хитрые, умные, расчётливые махинаторы разыгрывающие очередной гамбит.

Но победит только тот, кто больше знает.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	37
Глава 8	43
Глава 9	52
Глава 10	59
Глава 11	69
Глава 12	78
Глава 13	84
Глава 14	93
Глава 15	99
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Даниил Куликов
S-T-I-K-S. Пчелиный
Рой. Книга 3.
Секреты внешников

© Каменистый Артём (Мир S-T-I-K-S, его устройство и терминология)

© Куликов Даниил

© ИДДК

Пролог

Перевернутый поезд частично лежал на боку. Состав сошёл с рельсов, но ещё вяло вращал колёсами. Кругом слышались стоны и крики умирающих. Вагоны искалеченных людей с переломанными от болтанки костями. Густая мозговая кровь на стёклах внутри – кто-то получил перелом черепа. Вопли. Крики отчаяния. Стоны.

У одного из вагонов, прислонившись к нему спиной, сидел худощавый молодой мужчина, глядя неестественно спокойными глазами в небо. Совсем рядом из разбитого окна, стоная и придерживая изрезанную осколками руку, стал вылезать мужчина. Сделать это было довольно тяжело – поезд лежал на боку, и окно располагалось там, где раньше была крыша. Из других окон тоже начали вылезать те, кому повезло уцелеть более-менее. Изнутри раздалось урчание.

К поезду бежал человек с марлевой повязкой на лице, он подошёл к сидящему у вагона.

– Даже жалею, что остался жив... – одними губами улыбнулась жертва крушения. – Скажи, они идут?

– Да. Скоро будут здесь, – сказал человек в марлевой повязке. – Вставай, ещё есть время убраться.

– Я уже не смогу, – печально улыбнулся сидящий.

– Сможешь, подымайся! – в отчаянии прошипел его собеседник. – Я потащу тебя.

– Спасибо, – улыбнулся тот. – Но у тебя не получится – у меня больное сердце. Настолько больное, что физическая нагрузка или сильный стресс убьёт меня. Доктора с детства запрещали мне бегать – бег убил бы меня. А сейчас меня прикончат даже несколько шагов.

– Что? – только и смог сказать несостоявшийся спаситель.

– Обидно, правда? – грустно улыбнулся сердечник. – Выжить среди чудовищ, после крушения поезда, и умереть всего лишь от попытки сделать несколько шагов.

Его собеседник молчал. Вдалеке раздались рёв, урчание и цокот.

– Сделай для меня одну вещь, – попросил сердечник.

– Какую? – встрепнулся собеседник.

– Я не могу пошевелиться, – снова улыбнулся тот. – У меня в сумке еда и бутылка с водой. А в нагрудном кармане мои лекарства. Размешай их в воде и дай мне выпить. Это убьёт меня мгновенно и безболезненно. Не хочу, чтобы меня жрали ещё живым.

Собеседник молча сорвал маску и принялся за дело.

– А я пока чуть-чуть поговорю, – улыбнулся сердечник. – Знаешь, перед смертью так хочется потрепаться. Никогда не думал, что со мной такое случится. Я ведь простой преподаватель биологии в вузе. Препод, как студенты говорят. Леонид Андреевич...

Глава 1

Психоз

– Нет, нет, невозможно... – прошептал молодой мужчина, стриженный ёжиком и, вытаращившись пустым взглядом в пустоту, поморщился. – Нет... Нет...

Человек с косматой бородой и взлохмаченными волосами только ухмыльнулся. Ухмылка и взгляд делали его похожим на серийного убийцу.

– Ещё как может быть, – ощерился он. – Даже я этого не понял.

Стриженный ёжиком чаще задышал, а его глаза буквально вывалились из орбит. Лицо поменяло цвет.

– О да... – ухмыльнулся бородатый. – Ты уже понял, что это правда. Давай, давай почувствуй эту правду на вкус, поймай и проглоти. Ты просто не понимаешь, как приятно видеть твой ужас, твоё отчаяние, твою безысходность. Наблюдать, как надежда превращается в понимание и отчаяние... Это изумительно.

Его собеседник зашатался так, словно стал терять сознание.

Бородатый между тем с интересом продолжал рассматривать его, безумная улыбка не сходила у него с лица.

– Ты знаешь, самое приятное видеть, как чья-то надеж-

да превращается в страх и отчаяние. Метаморфоза, которая заставляет трепетать, – продолжил бородач. – Ничто не может сравниться с этим. Спирт, наркотики, секс – всё не то. Вот, пожалуй, охота или хорошая бойня насмерть дают похожее ощущение, но знаешь, это всё тоже не то... Понимаешь, очень сложно найти занятие, которое даёт такие ощущения...

Его собеседник будто не слышал, но бородатому, судя по всему, было всё равно.

– И я долго искал это. В занятии трейсерством, когда промышлял охотой, в разных сортах спека, ища это наслаждение в разных дозах, у килдингов с их ритуалами, ну, знаешь, когда на привязанного человека спускают переродка... У нескольких умников из Института, проводящих исследования... У муров. И наконец нашёл!

Улыбка бородатого стала счастливой и безмятежной.

– И знаешь, что это? – спросил он и сам тут же ответил: – пытки. Какой смысл спускать на человека заражённого, если это тупое животное быстрее убьёт его, чем замучает? Да это существо даже не сможет причинить настоящих страданий, только ранит и убьёт. Или какой прок разделять труп на органы, если тот не сможет кричать? Да даже живого человека – он ведь просто вырубится, и самое интересное прекратится. А потом и вовсе умрёт. То ли дело хорошая пытка – разделять ещё живого человека, не давая ему умереть и дозируя мучения, имея возможность делать их слабее или

максимально невыносимыми. Видеть эти бессмысленные коровьи глаза, видеть в них надежду, затем страх, а потом отчаяние, слышать этот бесконечный непрекращающийся крик, наблюдать конвульсии. Самое большое искусство в том, чтобы свести с ума. И не буду врать, я преуспел в этом.

Бородатый подмигнул своему собеседнику.

– Ты знаешь, я всё это сделал с той женщиной, которую ты пытался спасти. Не буду скромничать, под конец она уже мечтала умереть. Но с тобой мы поступим по-другому – я не стану трогать тебя до последнего. Я возьму того дружка, который помог тебе бежать, и буду разделявать при тебе. Чтобы ты всё видел и не мог помочь ему. Посмотрим, сколько тебе понадобится времени, чтобы сойти с ума, просто разглядывая всё это. А потом я разделаю тебя.

Глава 2

Поезд в ад. Часть первая

Лёня был в депрессии. Тоска лилась чёрными волнами. Затяжная осень, хмарь за окном и куча обстоятельств буквально заставляли его выть от тоски. Ссора с матерью, которая его откровенно не уважала и не старалась это скрыть, невзирая на то, что он уже зрелый мужчина с аккуратной бородкой, уважаемый педагог в неплохом институте. Невзирая на то, что он имел стабильную зарплату и нестарый автомобиль. Лёня поморщился. Мать никогда не уважала ни его, ни отца. О последней ссоре с ней он даже вспоминать не хотел. Поезд старательно стучал колёсами, усиливая тоску и грусть.

Лёня поднялся со своей койки и двинулся к выходу. Очень хотелось попросить у проводников таблеток – чувствовал он себя прескверно, как при гриппе – голова гудела, словно от переутомления, есть не хотелось, да и давление, похоже, скакало. Нет, принимать нельзя, ещё хуже станет после своих сердечных. Однако пройти всё же стоило, хотя бы потому, что вторая причина ехала рядом.

– Лёня, ты куда? – раздался рядом хриплый неприятный баритон.

– Таблетку выпью, Николай Викторович, – спокойно ответил он, но внутренне скривился.

– А, иди-иди. Возьми мне кофе. Хорошо? А я пока... на туман полюбуюсь, – цыкнул Николай Викторович и подошёл к окну, глядя на чуть зеленоватую мглу.

Лёня вышел и тихо выругался, высказав всё, что он думал об этом типе. Ленивый, склочный, лезущий во все разговоры Николай Викторович раздражал весь отдел. Ему не было и пятидесяти, но он требовал обращаться к себе только так. Никаких Коль, дядя Коля. Неважно, сколько лет было его собеседнику – почти тридцать, как Лёне, или сорок, как заведующему кафедрой, – только Николай Викторович. Его взяли на пустующее декретное место, и за три месяца он успел выбесить всех.

В последнее время, пройдя испытательный срок, он стал просто невыносим, видимо, решив перейти с декретного места на постоянное, и регулярно подбивал, как ему казалось, хитрыми словами Лёню и ещё пару педагогов: «Вы молодые, талантливые, что вам тут в этой дыре делать, вот в других институтах деньги получают».

Когда подвернулась научная конференция в Омске, заведующий кафедрой, как обычно, отправил Лёню выступить с докладом, рекрутировать местных школьников и заодно спихнул этого Николая Викторовича вместе с ним. Кафедра, должно быть, ликовала...

Лёня покачнулся и прислонился к стене. Его мутило. Неведомо откуда накатила усталость. Впрочем, Лёне всегда было плохо после ссор... Как же, кофе этому хмырю... Пе-

ребьётся!

Лёня почувствовал, как поезд ускорился. Вагоны ощути-мо трянуло. В глазах потемнело. Из соседнего вагона раздался крик. Лёня поморщился – только разборок ещё не хватало. Лёня понял, что бредя с головной болью и депрессией, каким-то образом оказался в плацкартной части. Он моргнул. На нижней полке вовсю обнимались мужчина с женщиной. Вот только мужик орал надсадным голосом и пытался отбиться. А женщина рвала ему зубами шею, урча, как собака. Бабки орали как резаные. Огромный мужчина, грузный как кабан, свалился с полки сверху и, схватив девушку, стал её оттаскивать. Поезд снова ускорился. Колёса застучали чаще. Лёня задышал быстрее. Сзади на толстяка прыгнула старуха и вцепилась в него зубами.

Творился какой-то кошмар.

Лёня услышал сзади урчание. Ладони резко вспотели, а виски похолодели. Лёня обернулся – сзади стоял тщедушный мужичок, щёлкая зубам и пялясь чёрными глазами, состоящими словно из одних зрачков. Медленно ступая, мужичок двинулся на него. Лёня оценил обстановку – с его сердцем не стоило вступать в схватку. Спасало то, что мужичок брёл медленно, похоже, двигаться быстрее он не мог. Лёня пятился, а кругом творился ад – одни пассажиры пытались сожрать других. Мужичок шёл следом, урча и не сводя с него взгляда. Лёня дошёл спиной до двери и упёрся в неё. Мужичок продолжал идти. Лёня зашарил рядом. Рука нащупала

стакан, исходящий паром...

Мужик шагнул ещё ближе. Лёня не раздумывая схватил кружку и выплеснул содержимое тому на голову. Людоед взвыл и схватился за лицо. Благослови бог любителей кофе, чая и титаны с крутым кипятком в поездах...

Лёня рванул в тамбур. Сердце билось как бешеное. Хех... Рванул... Скорее, всего лишь ускорил шаги. Прислонился к двери и сполз по ней. Никто не ломился следом. Он вдохнул, выдохнул. Что происходило – непонятно, но обратно соваться не стоило. Лёня ползком добрался до второй двери и аккуратно встал. Вагон оказался почти пустым, но он не спешил входить. Раздался шорох. Лёня замер и прислушался. Шорох повторился. Лёня сглотнул. Тяжело ступая, в середине плацкартного вагона показался грузный мужчина с пятнами крови на одежде. Мужчина стоял спиной к нему. Покачиваясь, он запихивал остаток чего-то красного в рот. Лёня аккуратно прикрыл дверь, стараясь, чтобы она даже не скрипнула – не хватало ещё, чтобы людоед его услышал. Теперь оставалось сползти вниз по двери, чтобы стать невидимым для него.

– Ту-туру-ту-ру-ту-ту-ру-ру! – внезапно громко запиликал мобильник «Прощание славянки». – Ту-ру-ру-ту-ру-ру-туру-ру-ру!

В тишине эти звуки показались просто оглушительными. Лёня выхватил телефон и попытался отключить его. Сенсор не сработал. Краем глаза он глянул на экран – звонил будильник, который сигнализировал о времени приёма таблеток.

– Да чтоб тебя! – выругался Лёня и швырнул телефон о стальной пол.

Поздно – людоед уже успел услышать его и, развернувшись, глянул на Лёню чёрными глазами, взревел как бык и, грузно топая, помчался на него. Это был не тот тихход, которого Лёня «угостил» чаем, этот людоед был более быстрым, более умным. За второй дверью тамбура тоже раздавалось шуршание – с той стороны кто-то тоже слышал зов свежей человечинки. Лёня замер – сзади находился вагон, полный медлительных людоедов, спереди – вагон с одним, но очень быстрым. Деваться было некуда. Спасти тоже невозможно.

– Чтоб тебе мной подавиться, тварь! – рявкнул Лёня, понимая, что обречён. – Всегда хотел сказать, что ты урод! Я твоего брата знаю – дядю Колю! Передай и ему, что он मुдила сраный и идиот!

Внезапно поезд дёрнулся. Похоже, машинист пытался затормозить. Людоед упал лицом вниз, так и не добежав до Лёни. Сзади что-то хлопнуло, и Лёня почувствовал, как его за пояс обхватили две руки и потащили на себя. Он почувствовал, как дёрнулось сердце, попытался заорать, но одна рука сдвинулась с пояса и зажала ему рот. Хлопнула дверка туалета, куда его затащили, и сразу стало темно.

– Не кричи, а то они могут услышать, – раздался шёпот у самого уха. Нажим рук усилился.

Лёне понадобилось ещё несколько секунд, чтобы вник-

нута в смысл и расслабиться.

– Кричать не будешь? – снова раздался тихий шёпот.

Лёня кивнул.

– Молодец, зайчик, – последовал лаконичный ответ, и руки разжались.

Глава 3

Поезд в ад. Часть вторая

Обессиленный Лёня тут же опустился на пол. Рядом загорелся светодиод сотового телефона. Лёня поднял голову. Рядом стояла девушка в синем пиджаке и узкой юбке, прикладывая палец к губам.

«Проводница, – подумал Лёня и тут же метнулся взглядом к ручке туалета – дверь была заперта. – Умница», – мысленно похвалил он.

Снаружи слышались шаги, и проводница погасила фонарь. Рёв питекантропа огласил тамбур – это явно забежал шустрый людоед. Лёня молча отметил про себя, что хорошо, что тот не заметил, как он спрятался. Раздался хлопок второй двери, и в ответ питекантроп слышал негромкое, но злобное урчание – это ответили монстры из соседнего вагона. Питекантроп рыкнул и утих, что-то недовольно ворча. Его оппозиция тоже поворчала и ушла. Питекантроп ещё шагнул по тамбуру туда-сюда, что-то раздражённо бурча и по-рыкивая.

Сидеть во тьме, в тишине, и слушать, как за стенкой кто-то ходит, казалось невыносимым. Лёня пошарил в карманах, достал бритву, пачку лезвий и стал тихо без пены брить бороду, чтобы хоть чем-то себя занять. Шаги стихли, и пите-

кантроп, хлопнув дверью, вышел. Снова засветился светодиод телефона.

– Никогда не думала, что буду стараться затащить мужика в туалет, – вымученно улыбнулась проводница.

Лёня хмыкнул.

– Чего сразу-то не открыла? – поинтересовался он.

– Думала, мертвяки шастают, – спокойно ответила девушка. – Поняла только, когда ты ругаться начал.

Лёня помолчал.

– Спасибо, – наконец сказал он. – А не знаешь, почему света нет?

– Во всём поезде отрубил, – ответила проводница. – И сотовая связь не ловит.

– А как же мы тогда едем? – задал логичный вопрос Лёня.

– Это тепловоз. И с горы катимся, – ответила проводница. – Да и машинист разогнался будь здоров, теперь этот поезд не остановишь.

– А, ясно, – вяло отозвался Лёня. – А тормозить чего пытался?

– Да, похоже, сам того... обращаться начал, – отвела глаза девушка. – Или напарник его стал перерождаться и напал на него.

Лёня не знал, что ответить и просто промолчал.

– Но знаешь... – шёпотом продолжила девушка, – самое странное, что этого холма тут не должно быть. Да ещё такого огромного. Я по этому маршруту много раз ездила, точно

говору – нет здесь таких уклонов... Да и местность совсем другая.

– Поезд поехал не туда? По рельсам? – флегматично сказал Лёня. – Может, тебе показалось?

– Ага, – покладисто согласилась проводница. – Слушай, а дай лезвие.

– Зачем? – не понял Лёня.

– Маникюр поправлю, – ответила проводница.

Лёня протянул лезвие от станка.

Проводница аккуратно взяла лезвие и чиркнула по юбке, создавая длинный разрез. Затем с другой стороны. В разрезе мелькнули голые ноги и даже краешек нижнего белья.

– Ну вот, – сказала она. – Теперь и побегать можно.

Затем скинула узкий служебный пиджак и выдернула рубашку из-за пояса, расстегнула несколько пуговиц на воротнике и снизу, чтобы она как можно меньше стесняла движения, а низ завязала в узел, сделав подобие топики. Несмотря на кошмар текущей обстановки, Лёня даже несколько ослабленно улыбнулся – данные действия проводницы на миг позволили забыть об апокалипсисе.

Проводница тем временем отрезала от юбки полоску ткани и, скинув с головы служебную пилотку, собрала волосы в хвост и перевязала лентой. Лёня тоже от нечего делать сунил свои лекарства в карман натальной футболки, а затем, разобрав бритвенный станок, переложил лезвия в карманы джинсов.

– На мою жопу пялился, – заключила проводница, – нормальный мужик.

– Спасибо, – кивнул Лёня. – Слушай, я тут подумал: когда поезд скатится и остановится, мы сможем выйти, и те, кто едут в соседних вагонах, тоже смогут выйти и попытаться сожрать нас.

Лёня помолчал какое-то время.

– А ещё мне кажется, что если ты говоришь, что местность так кардинально изменилась, то могут измениться и господа встречающие.

– Я тоже об этом думала, – сказала проводница. – Поэтому предлагаю, как только поезд сделает остановку, открыть дверь, взять ноги в руки и свалить, а уже потом разбираться, как наши пассажиры стали каннибалами.

– Давай-ка я сейчас выйду в тамбур и завяжу двери в вагоны, – предложил Лёня. – Если услышишь, как меня едят, закрывай дверь.

Лёня понимал, что он смертник, – скорее всего, ещё немного, и сердце убьёт его, даже странно, что оно до сих пор работало. Девушка хоть и не знала о его проблемах с сердцем, но тоже понимала, что он, вероятнее всего, смертник. Гибнуть не хотела, но и жертвовать случайным попутчиком не желала, поэтому просто чмокнула его в щёку и шепнула:

– Я буду ждать.

Лёня вышел в тамбур и улыбнулся, как кот, объевшийся сметаны. Надо же, какая умница попалась. Настроение под-

няла и ободрила, и замотивировала-то как... Что ж, за такую женщину можно и умереть. Судя по тому, как она хорошо разобралась в ситуации и перекроила одежду, то ещё выживет в этом аду.

Лёня снял галстук. Двери с поворотными ручками... Как неудобно... Ладно, выйдем из ситуации... Нужно сделать так, чтобы ручка не вращалась, привязываем так и вот так... На вторую ручку Лёня использовал ремень, благо джинсы хорошо держались и без него. Постучал в дверь туалета. Дверь приоткрылась.

– Готово, – сказал Лёня.

– Настоящий мужик, – сказала девушка, выходя.

Лёня мысленно оценил свою худощавость, лёгкую сутулость, и мысленно хмыкнул. Но сделал вид, что верит, а затем сел на пол и спросил:

– Как ты сказала, тепловоз?

Девушка кивнула.

– На чём едем?

– Дизельное топливо, – ответила девушка. – Солярка.

– То есть, если машинист погиб, мы будем ехать, пока не кончится горючее? – спросил Лёня.

Девушка кивнула.

– Хреново... – протянул Лёня и мысленно добавил про себя: «Добро пожаловать в адский экспресс».

Глава 4

Станция Ад

Ехать бесконечное число часов, пока не выгорит дизель, а потом ещё хрен знает сколько двигаться по инерции, в то время как в соседних вагонах пассажиров просто пожирают заживо... Плюс скоро каннибалы могут почуять их, и тогда начнут рваться сюда, в маленький, плохо защищённый тамбур. Против толпы им не выстоять.

Проводница опустилась рядом.

– Я пока вздремну, – сказал Лёня. – Если начну обращаться, открой дверь и скинь меня с поезда.

Проводница хотела что-то сказать, но тут что-то засветило, раздался мощный удар, поезд тряхнуло. Крики усилились. Поезд затрясло. Если бы Лёня стоял, то его бы размазало по стене.

– Что происходит? – крикнул он.

– Похоже, кто-то дёрнул стоп-кран, – одними губами сказала девушка. – Да и поезд налетел на что-то.

Лёня нашарил оброненный на пол мобильник. Тот работал, а экран даже не разбился. Повезло. Лёня перевёл камеру с фронтального режима на обратный и, наведя на цель, щёлкнул. Раздался электронный щелчок, сверкнула вспышка. Лёня улыбнулся – на получившейся фотке они с девуш-

кой сидели на полу, глядя безумным взглядом перед собой.

Поезд, грохоча, замедлялся, его ощутимо трясло – похоже, последние вагоны были на грани опрокидывания. Повезло же находиться в вагоне, который был ближе к голове поезда. Оглушительно скрежеща и гремя, поезд встал, а сзади тряхнуло так, что вагон слегка накренился – похоже, часть их завалились на бок.

– Селфи удалось, – мрачно улыбнулся Лёня. – Не зря же я сел в этот поезд. Станция Ад. Конечная. Просим пассажиров покинуть вагоны, иначе они будут съедены.

Проводница уже отпирала дверь наружу и опускала ступеньки-фартук.

– Пошли, – скомандовала она.

Лёня опустил на ступеньки.

– Уходи одна, я остаюсь, – сказал он.

Ветер издалека донёс ворчание – людоеды уже были готовы встречать поезд.

– Что? – не поняла девушка.

Лёня вылез наружу и сел, прислонившись спиной к вагону.

– У меня больное сердце, мне осталось жить всего несколько минут, – сказал он. – Уходи, пока встречающие не подоспели.

Вместо ответа Лёня получил «французский поцелуй» и ещё долго глядел в спину убегающей проводницы. Если бы не больное сердце... Рядом валялась чья-то бесхозная сумка

– видимо, выпала из окна. Лёня открыл её. Внутри оказались пирожки с ливером, бутылка минералки и пачка сигарет с зажигалкой. Неплохо. Можно покушать на собственных поминках.

Поезд слетел с рельсов, продолжая крутить колёсами, перевернулся и лег на бок. Из окон и дверей раздались крики боли искалеченных людей. Кровь залила вагоны изнутри – многие получили открытые переломы. Постепенно крики боли сменялись криками отчаяния. Это был ад. Кошмар наяву, который не спешил заканчиваться. Рядом раздалось низкое горловое ворчание – к поезду неспешно шагал брат того мужичка, который напал на Лёню в поезде. Вот так и начинается зомбиапокалипсис.

– Привет, – сказал Лёня. – Знаешь, там девушка пробежала, а я даже имя не спросил... Вот дурак.

Мертвяк подошёл ближе и зарычал, открыв рот.

– Ну ты и урод, – с чувством сказал Лёня.

Что-то хлопнуло, голова мертвяка дёрнулась, оросив всё вокруг кровью, а сам мертвяк завалился на землю лицом вниз и затих. Лёня закрутил головой.

К поезду бежал человек с марлевой повязкой на лице, он подошёл к сидящему у вагона Лёне и убрал пистолет в кобуру.

– Даже жалею, что я остался жив... дрянная будет смерть – одними губами улыбнулся Лёня. – Скажи, монстры идут?

– Да. Скоро будут здесь, – сказал человек в марлевой по-

вязке. – Вставай, ещё есть время убраться. Можно оторваться.

– Я уже не смогу, – печально улыбнулся Лёня.

– Сможешь, поднимайся! – в отчаянии прошипел его собеседник. – Я потащу тебя. Нужно пробежать совсем немного, тут есть где спрятаться.

– Спасибо, – снова улыбнулся Лёня. – Но у тебя не получится – с рождения у меня больное сердце. Настолько больное, что легкая физическая нагрузка убьёт меня мгновенно. Доктора с детства запрещали мне бегать – бег для меня смертелен. А сейчас меня прикончат даже несколько шагов. Я ещё могу говорить с тобой, но это просто разговор живого человека с трупом.

– Что? – только и смог сказать несостоявшийся спаситель.

– Обидно, правда? – грустно улыбнулся сердечник. – Выжить среди чудовищ-людоедов, выжить после крушения поезда и умереть лишь от попытки сделать несколько шагов.

Его собеседник молчал.

Вдалеке раздались рёв, урчание, и цокот – монстры приближались.

– Сделай для меня одну вещь, – попросил сердечник.

– Какую? – встрепнулся собеседник, сглотнув.

– Я не могу пошевелиться, – снова улыбнулся тот. – У меня в сумке еда и бутылка с водой. А в нагрудном кармане мои лекарства. Размешай их в воде и дай мне выпить. Это убьёт меня мгновенно. Не хочу, чтобы меня жрали ещё жи-

вым – дряная смерть быть сожранным заживо

Собеседник молча сорвал маску и принялся за дело.

– Знаешь, я попрошу тебя сделать ещё одну вещь, – задумчиво сказал Лёня. – Мне помогла девушка. Проводница. Похоже, она спаслась. По крайней мере, я надеюсь, что она спаслась. Меня ты всё равно не спасёшь – спаси её. Фотография в телефоне.

Незнакомец взял телефон и глянул последнее селфи.

– Красивая, – сказал он. – На-ка, выпей напоследок.

– Ага. А я даже имя не спросил, – снова улыбнулся Лёня. – О-о-ох! Какой ядрёный спирт! Это что за дрянь такая? Знаешь, перед смертью так хочется потрепаться. Никогда не думал, что со мной такое случится. Я ведь простой педагог биологии. Препод, как студенты говорят. Леонид Андреевич...

Лёня начал говорить, а потом свет вокруг померк.

«Даже не успел принять яд, – успел подумать Лёня. – Но, по крайней мере, меня не съедят живым».

Глава 5

Второй день рождения

Лёня моргнул и открыл глаза. Затем ещё раз моргнул и поднял руку. Он был жив. Прислушался к своему сердцу. Сердце работало как часы, и даже намёка на болезнь не было. Затем огляделся. Сумка с ядом и едой стояла рядом. Поезд всё так же подпирал спину. Большинство людей уже покинули поезд, часть ожесточённо пыталась отбиться от темноглазых зомби. Незнакомца нигде не было.

«Сколько я тут валяюсь без сознания? – мелькнула мысль. – Почему ещё не умер? Как меня не съели?»

Ответов не находилось. Машинально Лёня достал сотовый. Связи не было. Глянул список пропущенных вызовов. Последний был ещё вчера от Николая Викторовича. Его рожа на фотографии бесила так же, как и в реальной жизни. Кто-то рядом выпрыгнул из вагона, и Лёня, повернув голову, узнал Николая Викторовича.

– Николай Викторович, помогите встать, – сказал Лёня.

– А ты ещё кто такой? – повернул голову Николай Викторович. – Я тебя в первый раз вижу.

От такого заявления Лёня впал в ступор. Услышать такое от человека, с которым проработали три месяца, было странно. Как минимум.

– Встать хотя бы помоги, – попросил Лёня.

– Пошёл на хер, – огрызнулся Николай Викторович. – С чего бы мне тебе помогать?! Первый раз тебя вижу. Ты мне кто? Сват? Брат? Нет. И вообще своя рубашка ближе к телу. Я лучше себе помогу, чем неизвестному человеку.

От такого заявления Лёня вообще впал в ступор окончательно, а потом нашёл слова и высказал всё, что думал об этом человеке с самого первого знакомства. С самого момента их первой встречи. Без цензуры и не сдерживая мат.

Николай Викторович просто показал фак и свалил. Иного ожидать от этого козла и не стоило. Гораздо важнее было то, что сейчас со всех сторон должны были повалить толпы зомби. Следовало бежать как можно быстрее, чтобы не стать обедом. Лёня поднялся – удивительно, сердце не выказывало такого дискомфорта, как раньше. Он потянулся и хрустнул спиной. Странно, даже недомогание было не такое, как раньше. Мимо прошла группа – два парня и девушка.

– Ребят, помогите мне, – позвал Лёня.

Те даже не обернулись, только ускорили шаги. И тут вдалеке раздался мощный рык, и тварь, похожая на мощную обезьяну, выпрыгнула напрямик к троице. Девушка завизжала. Один из парней рухнул тут же с разорванным животом, охая и стараясь подобрать вываливающиеся внутренности. Оставшиеся парень с девушкой, даже не думая помочь, бросились прочь. Тварь зачавкала.

«А вот и встречающие, – подумал Лёня. – Добро пожало-

вать в ад».

Парень с девушкой бежали сломя голову. Внезапно парень рухнул и приложился лицом об асфальт.

– Помоги, – прохрипел он, хватая девушку. – Я, кажется, ногу потянул.

– Отпусти меня, ублюдок! – крикнула девушка и стала методично избивать парня ногой по лицу и пальцам.

– Сука! – прохрипел парень, пальцы его разжались.

Девушка снова бросилась бежать.

– А-а-а! – долетел крик несчастного. Чавкающий монстр решил заготовить мяса впрок.

Последние действия Лёня наблюдал уже из того самого тамбура, откуда недавно спускался с проводницей. Ступеньки-фартук пришлось убрать, а дверь запереть, благо у неё были хорошие замки. Девушка бросилась бежать дальше, но наперерез ей выбежал быстродвигающийся зомби и, прыгнув, повалил её на асфальт. Девушка пронзительно закричала, с разных сторон к ней подбежало ещё несколько быстродвигающихся мертвяков и, прыгая сверху, просто похоронили её в куче-мале под своими телами. Впрочем, крики были слышны ещё долго.

Лёня глянул и увидел, как громадная тварь, ещё больше той, что съела парней, рыком отогнала толпу и в одну рожу схарчила трупы. От увиденного подкосились ноги, и Лёня сполз по стене, а после наклонился и его обильно вырвало. Нет, не стоило попадаться на глаза таким тварям.

Поезд трясся, только теперь из него выбирались уже не пассажиры, а переродки, как мысленно окрестил их Лёня. Это было на руку: сбежавшие пассажиры – пища этих тварей, уводили их от поезда. Не почуют ли они его? Нет, это вряд ли – вокруг поезда сейчас столько трупов, желчи, крови, экскрементов, что они с лёгкостью перебыют запах одного человека – Лёни. Главное сейчас – не высовываться и чтобы сердце не подвело. Лёня сунул руку в карман – что-то плоское ткнулось в ладонь. Фляжка незнакомца с каким-то бальзамом или экстрактом. Куда же делся этот незнакомец? Может, он и пистолет оставил? Нет, пистолета не было – то ли забрал, то ли и правда сунул Лёне, но у того его вытащили мародёры.

Лёня глотнул из фляги. Вкус был мерзким, но самочувствие улучшилось. Гадость несусветная. Словно какие-то травы вперемешку с тухлятиной или трупом животного. Нда... Подобную дрянь ему, кажется, привозили из Вьетнама. Мысленно окрестив мерзкий напиток антидотом, Лёня подумал, что следует делать дальше. Пожалуй, пока вагоны пустые, следовало пройтись к машинисту – у него всегда есть набор инструментов, сменной одежды, еды.

Лёня, отвязав дверь, двинулся ползком по вагонам, так, чтобы его не было видно из окон. Пока полз, его вырвало ещё несколько раз. Кровь, трупы, остатки пиршества людоедов. По пути удалось разжиться длинным широким ножом, пачкой печенья и ботинками-берцами вместо своих лакиро-

ванных туфель.

В кабине машиниста всё было залито кровью и присутствовали явные следы борьбы. Тут же стоял старенький сундучок-шарманка для личных вещей. В нём оказался джекет. Узкий термос на полтора литра с горячим чаем, низкий и пузатый термос для горячих блюд, мощный светодиодный фонарь с электрошоком и запасными литий-ионными батареями, роба, сигнальный жилет, куча бумаг, нож-мультитул с лезвием, ложкой и вилкой, изолента, полбулки хлеба, чай, перчатки, плоскогубцы, отвёртка плоская и отвёртка крестовая, две банки тушёнки, браслет ТБСКМ-антизасыпайка, разводной ключ, молоток, маленький топор, ключи-головки, мультитул-кусачки с кучей отвёрток, свитер, сигнальная ракета и специальный «дуплет» с пачкой сигнальных ракет к нему. И даже кортик.

Сигнальный жилет и бумаги пришлось выкинуть, одежду, всю грязную и в крови, тоже, а вместо неё надеть робу машиниста и найденные берцы. Переодевался Лёня уже в соседнем вагоне, чтобы не заляпать обновки в крови. Теперь следовало брать ноги в руки и валить подальше от поезда, который был для местных чудовищ как шведский стол. И найти бы кого-нибудь типа того доброхота с пистолетом, чтобы объяснил, что вокруг творится.

Лёня встал, крадучись вышел с другой стороны состава и быстро побежал прочь.

Глава 6

Секрет живца

Он поспешно и быстро бежал с места происшествия, благо новая одежда и снаряжение позволяли это. Мысль «Только бы не заметили» сменилась другой – «Я бегу!». Впервые за весь жуткий кошмарный день это была приятная новость. Сердце не колотилось и не пыталось разорвать рёбра, в груди не кололо и не болело. Это было здорово, настолько, что на время даже исчезли мрачные мысли.

Отбежав на несколько кварталов, Лёня решил всё же не рисковать и пойти быстрым шагом – неизвестно, сколько ещё продлится эта странная сердечная ремиссия. Про себя он даже усмехнулся – жизнь-то налаживается: утром познакомился с симпатичной девушкой, в полдень думал умереть, но не умер, после полудня высказал дяде Коле всё, что о нём думал, затем выжил, а ещё позже даже смог бегать.

Н-да... В гробу он видал такое «налаживается». Так или иначе, но он всё ещё был жив.

«Может, это ад? – мелькнула мысль. – А поезд давным-давно разбился?»

Лёня тут же отогнал от себя эту абсурдную мысль. Следом пришла более приземлённая и простая: «А куда идти?»

Пейзаж был, мягко говоря, фантаσμαгоричным – как буд-

то оторвали часть одного городского пейзажа и пристыковали к другому – взять, к примеру, дорогу, которая из двухполосной переходила в четырёхполосную, или грунтовка, резко сменявшаяся асфальтом.

Впрочем, что называется, какая разница. Вечерело, и Лёня с сомнением поглядывал по сторонам – ночевать на улице, полной тварей, которые могут напасть в любой момент, не хотелось. Улицы выглядели слишком безлюдными. Промаявшись некоторое время, Лёня двинулся к девятиэтажке из красного кирпича, украшенной позолоченными балконами. Домофон не работал. Лёня легко отпер дверь и вошёл внутрь. Первым делом на глаза попало то, что когда-то было консьержем. Теперь это была кучей обглоданных костей. Лёня замер и поудобнее перехватил маленький топорик. Тишина. Или зомби очень хорошо таились, или уже ушли в другое место в поисках корма. Возможно, к тому же поезду. Так или иначе, Лёня, стараясь не шуметь, стал подниматься по лестнице. Подъезд тоже оказался частично измаран в крови. На самом верху была открыта дверь одной из квартир.

Прислушиваясь к каждому шороху, Лёня зашёл в неё и решил закрыть дверь, но передумал – если в квартире есть тварь, ему нужно будет быстро убежать. Вместо этого он поставил на входе напольную вешалку, прислонив её к двери – в случае чего она загремит. В квартире пусто. Ещё найти бы какое-нибудь оружие... Облом. Из кухонного оружия нашлись только красивые никелированные ножи. Лёня вздох-

нул, оценил ещё раз дорогие ворсистые ковры, дорогую мебель, мини-бар, кухонный гарнитур. В прошлой жизни он бы тоже не отказался иметь такие вещи... В этой они потеряли всякий смысл. Лёня вернулся на кухню и аккуратно достал термосы машиниста и мультитул с ложкой. Пищевой термос его здорово порадовал – в нём была картошка, тушённая с мясом. Горячий чай оказался приятным дополнением к ужину. Настроение улучшилось.

Сзади раздались тихие шаги. И щелчок.

– Эй ты, – раздался голос, – жрать прекрати. Руки держи на виду, поворачивайся медленно.

Лёня медленно развернулся. Сзади него стоял мужчина. Спутанные грязные волосы под бесформенной вязаной шапкой, глаза с налитыми кровью белками, густая щетина, местами пожелтевшая кожа, обломанные ногти с грязью под ними, безрукавка-разгрузка с оттопыривающимися карманами, грязные джинсы и стоптанные кожаные сапоги. За спиной у него был блочный арбалет и колчан арбалетных болтов, а на Лёню он направил небольшой револьвер.

– Ты кто такой? – спросил он.

Отвечать такому субъекту не хотелось. А хотелось дать по роже, но у того было оружие, а у Лёни нет. Как он вообще сюда попал? Лёня подчёркнуто спокойно встал и подошёл к окну. Если этот тип не дурак, то стрелять он не будет – револьвер и так сильно грохочет, да и стекло за спиной – лопнет, и шум привлечёт тварей.

– Ты кто? – ещё раз спросил тип. – Отвечай, когда тебя спрашивают! Оружие, спораны, горох – на стол. Карманы вывернул! Живо!

Лёня не спешил отвечать, отхлебнув ещё чая. В самом деле, чего бояться – его убьёт или этот псих, или сердце, которое барахлило почти тридцать лет. Итог один. Но пуля даже лучше.

– А? – спросил Лёня. – А что у тебя во фляге?

– Я тебя не знаю, – вместо этого ответил субъект. – Барах-ло достань.

– Угу, – кивнул Лёня, отпив ещё чая.

– Ты какой-то мутный, – выдал ещё одну умную фразу субъект. – А это не тебя муры искали сегодня?

– Кто такие муры? – спросил Лёня. Чая, к его сожалению, почти не осталось.

– Так... Ты что, вообще не знаешь ничего? – спросил непонятный тип. – Ты откуда вообще?

– С поезда, – пожал плечами Лёня. – Только сегодня приехал.

– Свежак, значит, – сплюнул неприятный тип и чуть отвёл ствол. – Тогда понятно... Как крещён?

– Попом в церкви, – отрезал Лёня. Этот клоун стал раздражать его не меньше Николая Викторовича.

Неприятный тип хмыкнул, но револьвер убрал.

– Борзый, значит... Может, тебя так и окрестить?

«А тебя, может, крысой назвать?» – подумал Лёня.

– Слушай, друг, ты про флягу спрашивал... Я просто крещён – Хомяк, – вдруг оживился тип, и глаза его хитро заблестели. – Там живец. Как голова заболит и мутить начнёт, примешь его, и всё, отпускает. Если не пить его несколько дней – умрёшь. Я тебе расскажу, как делать. В обмен на что-нибудь интересное, ну там, где магазины с товарами хорошими, где стволы достать...

Эта резкая смена настроения и заблестевшие глаза Хомяка очень не понравились Лёне.

– Извини, – развёл руками Лёня. – Не знаю, сказал же – на поезде приехал. И бежал с поезда.

– Ладно, так расскажу, – оживился Хомяк.

Минуту Лёня слушал способ изготовления живца. Понятно, почему у него такой мерзкий вкус. Потроха из затылков заражённых, как их называл Хомяк, любой спирт и фильтрация. Брр... И правда дрянь.

– Спасибо, Хомяк, – рассеянно сказал Лёня.

– Не за что, – как-то гадливо ухмыльнулся Хомяк. – А теперь ты оставайся, а я пошёл.

С этими словами он подхватил Лёнин рюкзак и спиной двинулся к выходу.

– Эй! Рюкзак положи! – рявкнул Лёня и потянулся к тупору на поясе.

– Не шали, – Хомяк снова навёл на него револьвер. – Новичкам помогать полагается. Я тебе помог – рассказал, как живчик делается. А рюкзак... Должен же ты чем-то за по-

мощь заплатить. Вот и платишь. Шмотками. У нас так принято. Обижать свежаков нельзя, мол, Стикс накажет – вот я и не обижаю. Ничего не отстрелил и целым оставил.

Гадко ухмыльнувшись, Хомяк продолжил пятиться в коридор, где щёлкнул дверью и вышел в подъезд. Лёня с яростью сжал рукоять топора. Не обидел, как же! Оставил без вещей среди бродящих заражённых. Помог, как же! В гробу он видал такую помощь. Рванул в прихожую, но тут же замер – такой подонок мог подкараулить его у двери и расстрелять из арбалета. Или подняться выше, а потом выстрелить в спину. Вместо этого он запер дверь и снова обошёл квартиру. Оказалось, что Хомяк прятался в шкафу. Чтоб его... А ведь там мог прятаться и заражённый. Тогда Лёня был бы уже мёртв. Он прошёл на кухню, взял чугунную сковородку, казан и вышел на балкон. Держись, Хомяк... Только выйди, и эта посуда прилетит на твою хитрожопую голову. Но Хомяк не вышел. Ни через полчаса, ни через час, ни через два.

Лёня плюнул и, войдя обратно, запер балкон. Этот урод обрёк его на медленную смерть. Поди, прячется где-нибудь в пустой квартире. Подумав, что делать, Лёня в поисках еды открыл холодильник. Дохнуло смрадом и тухлятиной. Еды тоже не осталось.

Глава 7

Отсроченная смерть

Сон был рваным и беспокойным. Один раз разбудил браслет ТБСКМ, среагировав на понижение пульса и начав сверкать лампочкой. Второй раз он проснулся сам, непонятно от чего. В третий раз просто приснился кошмар. Сон ушёл, только когда стало рассветать. Проснувшись, Лёня почувствовал себя совершенно разбитым. Припомнил ещё раз вчерашний день и снова почувствовал ярость и отчаяние. Кое-как приведя мысли в порядок, он вспомнил вчерашний разговор с Хомяком. Похоже, те, кто выжил, не отличались высокими моральными нормами... А из полезного удалось узнать, как готовить живец и что сюда попадают ещё люди, которых называют свежаками, а имён тут вообще нет...

Негусто... Голод и отсутствие этого самого живца давали о себе знать. Во фляге незнакомца оставалось только несколько глотков. Скривившись, Лёня выпил остатки. Стало чуть легче. Из оружия остались нож, топор и кортик. Следовало найти хотя бы еду. Аккуратно спускаясь с этажа на этаж Лёня проверял двери каждой квартиры, но открытых не было. Дойдя до пятого этажа, он увидел неподвижно лежащего в неестественной позе Хомяка.

Хомяк не шевелился. Остекленевшими глазами смотрел

в потолок, рот был приоткрыт, белки глаз были ещё более красными, а руки замерли на груди у разорванной одежды. Лёня выждал несколько минут. Хомяк не шевелился. Даже дыхания не было слышно. Револьвер остался в кобуре, арбалет лежал рядом, не взведённый.

– Эй! – позвал Лёня.

Хомяк не пошевелился и не издал ни звука. Лёня сделал ещё шаг. Под телом лужа мочи. Хомяк был мёртв. Лёня присел на корточки рядом. Что бы это могло быть? Смерть от передозировки или внезапная остановка сердца...

Рядом лежал вскрытый Лёнин рюкзак, булка хлеба и пустая бутылка минералки, той самой минералки, в которой Лёня попросил незнакомца растворить свои сердечные лекарства... Хомяк, похоже, был не в лучшем состоянии, да ещё и выпил этой водицы, может, даже понял, что происходит, рубаху на груди порвал... Хотя чаще люди делают это инстинктивно, от невыносимой боли.

Возможно, Хомяк не смог даже закричать, а только корчился от мук. Смерть его была не из приятных. Странно, но никакого удовлетворения от гибели этого типа Лёня не получил. Скорее, только гадливое ощущение, а через минуту понял, что его потряхивает.

С ознобом пришла вторая мысль – почему он не выбросил эту бутылку? Сам ведь мог так же отравиться.

Посидев немного и придя в себя, Лёня прикинул, как поступить и, подумав немного, снял с трупа кобуру с револь-

вером, затем самодельный колчан со стрелами, которые почему-то называют болтами. Обыскивать карманы трупа, испачканные мочой, он побрезговал, поэтому просто закинул свой вновь обрётённый рюкзак на спину, поверх него повесил пачку стрел, а блочный арбалет взял в руки. Револьвер удачно разместился в кобуре на поясе.

Фляга... Она манила. Во фляге покойного Хомяка наверняка ещё оставался живец, но учитывая, как тот умер, пить из неё Лёня не хотел – мало ли. Однако поразмыслив, он скрутил пробку. Пусто. Живец следовало принимать часто, как говорил Хомяк, и сейчас нужно отыскать эту гадость как можно быстрее.

Вопрос был только в том, как найти нужного мутанта, да ещё и убить...

Понятие охоты было несовместимо с Лёней. Подумав ещё немного, он решил, что стоит сходить хотя бы за спиртом. Может, повезёт, а если нет, так хотя бы спирт будет. Да и поесть следовало – Хомяк сожрал все пирожки с ливером в одну харю.

Размышляя и глотая голодную слюну, Лёня двинулся к выходу из подъезда. В дверях чуть замешкался, опасаясь выходить, но, глянув украдкой, вышел. Жаль, что у покойного машиниста не было хотя бы маленького бинокля. Не спеша и оглядываясь по сторонам, Лёня двинулся по улице. Паранойя постоянно шептала, что за спиной кто-то крадёт, но как только Лёня оборачивался, то видел, что там пусто. Из

слов Хомяка следовало, что здесь есть местные жители, которые не горят альтруизмом и добротой.

А здесь – это, вообще, где? Почему ландшафт выглядит так, словно составлен из разных кусочков? Откуда эти монстры – заражённые? Почему нет сотовой связи и где войска? Ответов на эти вопросы не было.

Как назло, из магазинов встречались одни бутики с одеждой или обоями. Слушая урчащий живот, Лёня терпеливо шагал дальше, пока не наткнулся на ликеро-водочный магазин.

Удачей это нельзя было назвать – он выглядел так, словно его разграбили, а то, что не смогли унести, разбили. Пустые холодильники, пустые полки, разбитые витрины с остатками битых бутылок... Следы грязных сапог на полу, сорванные этикетки и рваные пакеты...

Присев в кресло продавца, Лёня посидел несколько минут. Что бы тот сделал, если бы случился апокалипсис? Взял кассу и сбежал. А если заражённые появились не сразу? Или продавец наивно верил, что, может быть, через несколько часов всё наладится? Сделал бы заначку. А если бы всё вернулось на круги своя, положил бы обратно. Лёня посмотрел на пустой кассовый аппарат, а потом обвёл взглядом помещение. Ближе всего к продавцу был холодильник...

Не торопясь, Лёня подошёл к нему и чуть отодвинул от стены. На пол тут же упали несколько пачек рублей и плоская бутылка коньяка. Почти все люди мыслят одинаково. Бутыл-

ка толстого стекла не то что не разбилась, даже не треснула. Лёня посидел ещё, радуясь собственной рассудительности. Что же в нём изменилось? Он ведь всегда был таким? Или раньше его отвлекали мерзкие коллеги, типа Николая Викторовича, и постоянная нервотрёпка на работе? Лёня нахмурился. Он просто не помнил, каким он был раньше. Начав было рефлексировать, он резко встал, решив, что это только усугубит ситуацию, и вышел наружу.

Живец... Очень остро требовался живец... Заражённые, которые внушали ужас одним своим видом, не спешили появляться. Пройдя ещё несколько кварталов, где наблюдалась та же картина – разбитые магазины, брошенные автомобили, Лёня снова задумался – что-то продолжало подстёгивать мозг. А что, если пошуметь? Должны же заражённые как-то искать своих жертв. А найти жертву по шуму легче всего. Подстёгнутый голодом и отсутствием живца, Лёня подошёл к брошенному автомобилю и, оглядевшись, разбил стекло кирпичом. Пошарил в бардачке и под козырьком. Пусто. Перешёл к следующему – в этот раз повезло больше, и ключи нашлись в бардачке. Сунув ключ в зажигание, Лёня выжал сцепление и повернул. Бензобак был пуст. Чертыхнувшись, Лёня перешёл к следующей. Снова неудача – сел аккумулятор. Удача улыбнулась только на пятой, и машина ровно затарахтела. Лёня быстро выбрался и скрылся в ближайшем подъезде, поднявшись на третий этаж. Снова чертыхнулся – куда он побежит, если заражённые ринутся в подъезд? Да

и как стрелять будет из арбалета, учитывая, что стрелок он никакой?

Лёня всматривался, стараясь заметить хоть что-то, однако замеченный объект оказался не на земле, а в воздухе. Сначала Лёня решил, что это детский вертолёт. Потом стало ясно, что это квадрокоптер. Летающая машинка подлетела ближе и, зависнув, выпустила ракету, оставляющую дымовой шлейф. Гроыхнул взорвавшийся бензобак, пламя взметнулось до высоты третьего этажа и опало. На месте автомобиля остался обгорелый остов. Сделав дело, квадрокоптер улетел.

Лёня продолжал в шоке глядеть вслед улетающему дрону. Вот это порядки... Поохотился...

Глава 8

Дуэт неудачников

Кто же так палит ракетами направо и налево? О том, что бы идти сейчас куда-нибудь, не было и речи – наверняка на звуки уже бежит куча хищников. Как бы самого не почувствовали...

Лёня пулей промчался наверх, попутно дёргая каждую дверь. На пятом этаже повезло, одна оказалась не заперта. Подавив желание юркнуть внутрь, он носком ботинка отворил её, и, выставив перед собой арбалет, аккуратно зашёл внутрь, после чего протянул руку назад и запер дверь. Прислонился к ней и отдышался.

Спохватившись, Лёня выставил перед собой арбалет и аккуратно двинулся, осматривая каждый угол – не хватало попасться, как в прошлый раз. Ни души. Оставалось сидеть тихо и не высовываться – гарь наверняка перебьёт его запах.

Однако долго не просидишь – он пробыл без живца почти десять часов, а по словам Хомяка, смерть наступает примерно через сутки после последнего принятия живца, в зависимости от особенностей организма...

Плохо. Очень плохо. Лёня двинулся на кухню в поисках пищи. Нашлись только сухие галеты. Хрустя этим заменителем пищи, Лёня присел, задумался и машинально отметил,

что сердце не доставляет ему проблем уже второй день. Без постоянных лекарств, невзирая на постоянный стресс. Но вот вспомнить сами ощущения дискомфорта не получилось. Попытался вспомнить заведующего кафедрой. Не вышло. В душу закралось какое-то нехорошее предчувствие. За окном раздалось ворчание и возня. Лёня аккуратно выглянул. Около остова автомобиля возились двое заражённых, недовольно урча и расхаживая вокруг машины. Точь-в-точь водители, у которых случилась поломка.

«Наконец-то!» – мелькнула мысль, а руки уже сами тянулись к ручке пластикового окна. Приклад арбалета уткнулся в плечо, как морда преданного пса. Лёня прильнул к оптическому прицелу, лоя в него покачивающиеся с пятки на носок силуэты, выбрал один, затем второй, нажал на спуск... и чертыхнулся про себя – в арбалете не было стрелы. Вложил стрелу, снова прицелился, выстрелил – мимо. Арбалет неловко дёрнулся, и стрела ушла в молоко. Мертвяки завертели головами. Лёня скрылся, перезаряжая оружие, выждал несколько минут, затем выглянул. Мертвяки пялились в другую сторону. Лёня снова взялся за арбалет, крепко ухватил ложе, опёрся локтями о подоконник и выстрелил. Стрела попала в спину мертвяку, заставив того, рыкнув, повалиться наземь. Пригнуться, вложить ещё стрелу, выждать, подняться, прицелиться и выстрелить. Лёня чуть ли не бегом выбежал на улицу, подбежал к корчащимся заражённым и сделал контрольный выстрел каждому в голову, вынул нож и стал

резать споровый мешок, как его называл Хомяк.

Вскрывать нарост оказалось неприятно, примерно так же, как тушки крыс на студенческой практике. Лёня снова нахмурился – он не помнил этого. Что вообще происходит? Мимоходом отметил, что наконечники стрел выполнены очень удобно, так, чтобы стрелу можно было вынуть, не сломав древко – плоское лезвие без загнутых назад углов-затубрин. Лёня вытащил из затылка первого кучу чёрной трухи и скривился – заражённый оказался слишком слабым и ещё не развился до нужного уровня. Из затылка второго Лёня достал искомое, аккуратно положил заметный шарообразный споран в нагрудный карман и тут периферией глаза заметил какое-то движение. Ничего не поняв, Лёня рухнул плашмя, и вовремя – когтистая лапа прошла сверху, а в нескольких метрах на асфальт перед ним приземлилось существо, больше похожее на питекантропа, чем на человека. Руки, покрытые жгутами мышц, гипертрофированные челюсти, массивный, начавший меняться лоб, надбровные дуги, мощные ноги и когти, растущие на руках и ногах. На теле остались только обрывки одежды.

«А я, дурак, ещё переживал, что на слабаков нарвался», – подумал Лёня, вскакивая и делая несколько поспешных шагов назад.

Руки сами дёрнули «козью ножку», взводя арбалет, пальцы поспешно вставили в желобок стрелу. Тварь между тем демонстративно потянулась, царапнула когтями асфальт, за-

рычала и, развернувшись, сжалась как пружина. Лёня вскинул арбалет, не целясь, и нажал на спуск. Существо оценило действия человека и прыжком ушло влево, не желая умирать. Стрела попала в то место, где оно стояло, срикошетив от асфальта. Тварь снова подобралась, готовясь к прыжку, но Лёня уже понимал, что не успевает, и просто бежал прочь. Позади раздался утробный рык – монстр бросился в погоню. Не раздумывая, Лёня отцепил и сбросил рюкзак. Между жизнью и рюкзаком выбирай жизнь. Повесив арбалет за спину, Лёня бежал, отчаянно петляя, как заяц. Пуля из револьвера прибила бы тварь или хотя бы заставила её задуматься о том, надлежит ли преследовать такой обед, но только Лёня сильно сомневался, что она даст ему время хотя бы вынуть оружие, и поэтому продолжал бежать.

Чудовище несло сзади, не отставая, то ли экономя энергию, то ли желая загнать жертву. Бег стал отнимать силы, в боку закололо.

«Только не упасть, только не упасть», – стучала в мозгу мысль.

Силы были на пределе. Мимо мелькнул ангар гаража с прислонённой к нему бетонной плитой. Между ней и стеной был зазор. То что нужно. Не раздумывая, Лёня нырнул в щель. Тварь тоже рванула следом, однако протискиваться ей было гораздо сложнее. Лёня замер. Сердце колотилось как бешеное. Тварь, урча и протискиваясь, приближалась. Лёня выдохнул и выхватил револьвер настолько быстро, насколько

ко это было возможно. Чудовище что-то поняло и попыталось рвануть назад, однако тут же сообразило, что быстро выбраться не получится, и снова рвануло вперёд на Лёню.

Он нажал на спуск. Грохнуло так, что заложило уши, запах пороха ударил в нос, глаза обожгла резкая вспышка, однако монстр получил пулю в грудь и замер, продолжая рычать, скорее, по инерции. Моргнув несколько раз, Лёня навёл оружие на голову чудовища и нажал ещё. Бабахнуло, и чудовище затихло. Наполовину ослеплённый, поймавший несколько световых зайчиков в темноте и ещё более оглушённый, Лёня потряс головой, поковырялся в звенящих ушах и стал приближаться к труп. В этот раз сделать вскрытие оказалось не так противно. Разжиться удалось ещё одним спораном.

Теперь следовало быстрее убираться отсюда – как бы на шум не пожаловали ещё людоеды. Выбравшись с другой стороны, Лёня медленно побрёл в том направлении, откуда убегал. Вот за этим углом дома должен лежать рюкзак...

Он осторожно выглянул из-за угла дома и обомлел – два каких-то типа деловито осматривали его рюкзак, уже начав открывать карманы. Грязные, густо заросшие щетиной, вместо берцев на ногах кроссовки, на голове у одного грязная засаленная бандана, из-под неё выбиваются спутавшиеся волосы. У второго тонкая вязаная шапочка, из-под которой тоже торчат спутанные космы. Из оружия у одного топор и пистолет, явно самодельного изготовления из куска трубы и кус-

ка дерева, у второго остро заточенная кирка и ружьё-одностволка неизвестно каких годов. Из прочего оригиналы выделялись тем, что у одного была мятая спортивная сумка, которую тот надел как рюкзак, у второго – полосатый китайский пакет.

– Во! Прибарахлимся... А ты говорил – не фартит, не фартит... – радостно прыгал тот, что с топором. – Может, там еда нормальная есть... Тушёнка или мясо консервированное...

– Тихо ты, идиот, – отмахивался второй. – Вдруг тут рас-тяжка... А я в них не понимаю. Да и громыхнуло тут недавно. Видел? Машина сгоревшая стоит.

– А ну-ка убрали руки от моего рюкзака. Живо, – скомандовал Лёня, целясь в мародёров из револьвера.

Тип с ружьём даже подскочил, разворачиваясь. Второй испуганно дёрнулся, выматерившись.

Лёня целился, переводя револьвер с одного на другого.

– Да ты это... – тип с ружьём тоже сделал несколько шагов назад, – не стреляй, мы и не тронули ничего.

Лёня подошёл к своему рюкзаку и, сунув руку в карман, нащупал бутылку с коньяком. Повезло. Два бомжа всё ещё неуверенно переминались рядом.

– Чего ещё? – спросил Лёня.

– Ну, может, ты купишь чего? – неуверенно спросил первый. – У тебя барахла навалом. А у меня оружие лишнее есть.

– Платить нечем, – отрезал Лёня, а потом задумался – информация требовалась как воздух. – Ладно, пошли в любую хату, расскажешь чего-нибудь.

Двое типов оживились.

Лёня аккуратно сцедил получившийся живец, после чего залил его во флягу и маленькую бутылочку, отхлебнул, сделал паузу, прислушался к ощущениям и сделал ещё глоток. Буквально через десять минут полегчало.

– Меня Баклан зовут, – произнёс бомж. – А этого идиота – Чучело.

– Рассказывай всё, – попросил Лёня, не став называться. – Я только вчера приехал.

– В смысле? – Чучело вытаращился на него, как на психа. – Как приехал?

– А, свежак, значит... – протянул Чучело. – А живец откуда знаешь, как делать?

– Ты прям пальцем в небо попал, – хмыкнул Баклан. – Там кластер, который так и называется – Адская станция...

Через пятнадцать минут Лёня уже знал, что такое Стикс или Улей и какие твари в нём обитают. Ещё через десять – кто такие стронги, рейдеры и трейсеры, а также кто такие муры, килдинги и внешники. Ещё через десять – что такое кисляк, перезагрузка, кластер и стаб. Ну и в завершение – каким оружием и как охотиться. Похоже, Баклан был просто рад потрепаться.

– Это самое... – сказал Баклан. – Чучело, иди-ка глянь, чего там на улице делается.

– А сам чё? – занял второй. – На улицу можно и в окно посмотреть.

– А ты на другую сторону, куда окна не выходят, – отрезал Баклан.

– Ага, а пока я ходить буду, вы живец пить станете?

Баклан лишь закатил глаза к потолку, а Лёня прикинул – делиться таким важным напитком не хотелось, но эти двое ему помогли, по крайней мере, Баклан своими объяснениями.

– Ладно, – сказал Лёня. – Подходите. Налью по пятьдесят грамм. Мало его.

Оба рейдера согласно закивали, приободрившись. Каждый выпил свою дозу разом, не затягивая.

– Ну ладно, раз такие дела, то я в самом деле схожу посмотрю, – сказал Чучело, выходя.

Он вышел. Баклан выжидающе посмотрел на Лёню, затем подошёл к двери, убедился, что его приятель и в самом деле ушёл, и снова повернулся к Лёне.

– Ну вот... – сказал он. – Теперь, когда этот идиот свалил... Может, расскажешь чего? Что при нём не говорил.

Лёня подумал и сказал:

– Там со мной дядя Коля ехал, козёл. Умирать оставил и сказал, что меня не знает. Хочу встретить его и дать по роже.

Баклан посмотрел на него, как на психа.

– Но его, наверное, съели... А ещё проводница была классная. Её бы тоже повстречал... Если она иммунная.

Баклан как-то сразу погрустнел. Обиженно посмотрел на Лёню.

– Ну не хочешь, не говори, – сказал он. – Может, хоть в долю возьмёшь, если с хабаром дело? Я и за живец готов поработать... Снаряга-то у тебя... Чтоб, блин, у каждого свежака такая была...

– Да это от рейдера одного осталось, – ответил Лёня, чувствуя себя виноватым. – Он же и про живец рассказал, и про то, что новичков не обижают. Правда, потом ограбил. В уплату за секрет живца. Урод.

– А-а-а... – протянул Баклан. – Сам он где?

– Умер, – ответил Лёня. – Случайно получилось. Я не хотел.

Баклан посмотрел на него и больше вопросов не задавал.

«Идиот, – подумал Лёня. – Зачем сказал? Надо было промолчать».

В коридоре слышались быстрые шаги, и тихий шёпот произнёс:

– Мужики. Там муры идут. Целая колонна.

Глава 9

Прятки

Лёня и Баклан ошалело уставились на него.

– Откуда ты знаешь, что это муры? – спросил наконец Баклан.

– У них знак на броне намалёван – красный ромб, бубна, – ответил Чучело.

– Какая бубна? – не понял Лёня.

– Знак, – коротко ответил Чучело. – Чтобы внешники опознавали и их беспилотники, особенно автономные. И не подбили.

– И много их? – спросил Баклан, бледнея.

– Четыре грузовика с металлообвесами, один уазик-буханка, и какая-то бронемашина, как бронетранспортёр, только меньше.

– Япона мать... – тихо прошептал Баклан. – Вот это приехали...

А на улице было уже слышно порывкивание двигателей.

– На крышу, – быстро сориентировался Баклан.

С улицы донеслись развесёлые и несколько фальшивые голоса. Трое рейдеров, ступая на цыпочках, поднялись на верхний этаж. На люке висел массивный навесной замок. Чучело схватился за голову.

– Не ссы, – одними губами шепнул Баклан. Достал из кармана какую-то палочку, с необъяснимой грустью посмотрел на неё, вздохнул и щёлкнул турбовой зажигалкой.

Палочка хлопнула и зашипела, став плеваться искрами, как бенгальский огонь. Баклан влез на лестницу и направил импровизированный факел на дужку. Та стала нагреваться, потекли капли раскалённого металла.

– Фигасе... – тупо сказал Чучело.

– Термитный карандаш, – пояснил Баклан. – Я столько его берёг... Ладно уж... Лезем.

На крыше было пусто, только вторая чердачная будочка сиротливо стояла на другом конце крыши.

– Эй, Мосфет, сигнал определённо шёл с этого здания, – раздался развязанный голос.

– Тебя понял, Ром, и что нам теперь делать? Прочёсывать этот сарай?

Чучело было пополз к краю крыши, но Лёня схватил его за ногу и приложил палец к губам.

– Да он может быть где угодно... – голос прервался и раздался звук вдоха. – Ох-х-х... хорошо...

– Мосфет, а ты точно не можешь точнее назвать?

– Нет.

В этот момент его прервал истошный женский крик.

– Заткни её, а то хищники набегут, – произнёс первый голос.

Раздался звук удара, а затем тихий стон и рыдания.

– Ну, что делать будем? – сказал, по-видимому, Рома. – Время не резиновое, а бабки хорошие обещали... Где этот дух?

– Ладно, я пойду проверю квартиры в первом подъезде, пацаны – со мной, – произнёс голос, двинувшись в сторону подъезда, в который они недавно входили.

Лёня первым пополз в сторону второй чердачной будочки. Остальные двинулись следом. А в подъезде уже всю хозяйствовали визитёры, ломая двери квартир и обшаривая каждую. Лёня подполз к люку и дёрнул. Заперто с той стороны. Одной мимикой задал немой вопрос Баклану. Тот только покачал головой. Взгляд метнулся к аварийной лесенке. Чучело уже метнулся к ней, когда с той стороны долетел гнусавый голос:

– Ваше благородие, где вы? Идите к старым друзьям!

Чучело с побелевшим лицом отскочил прочь. Лёня удобнее перехватил оружие – в одном из подъездов уже всю орудуют вооружённые муры, ещё отряд поднимается по аварийной лестнице, а чердачный люк во второй подъезд заперт. Отсидеться не получится – поднимутся, ранят из огнестрела, а дальше, судя по рассказам, лучше не попадать им в руки. По крайней мере, живыми. Попытаться отбиться, удерживая лесенку и люк? Только посмеются и выстрелят из подствольного гранатомёта на крышу, если не убьют, то контузят, а потом разделают ещё живыми. В крайнем случае сломают второй люк, вломятся и расстреляют в упор.

Лёня прикинул – с одной стороны двор, где уже расположились их машины, с другой пока никого нет. Со всей поспешностью он ринулся туда, подбежал к краю крыши. Слава богу, никакого карниза или навеса над остеклённым балконом! Однако до края балкона было больше метра. Лёня вспотел и первым делом снял рюкзак. Вся полезная мелочь давно в карманах – случай с Хомяком его многому научил. Рюкзак брякнулся на верх балкона. Следом стал спускаться сам Лёня, крепко вцепившись в край крыши и аккуратно опускаясь на верх балкона. Тот даже не дрогнул – хороший хозяин, сделал всё на совесть. Если повезёт, то и окно, которое тот открывал, чтобы покурить, окажется не запертым.

Окно оказалось закрытым. Ну же! Кто же делает хороший запор на такое окно?

«Только бы не щеколда!» – мелькнула мысль.

Окно распахнулось – хозяин закрывал его всего лишь на гнутый гвоздь. Вися на руках, Лёня уже запрыгивал внутрь балкона. Следом ему передали рюкзак, а вскоре объявились и сами Баклан и Чучело. По крыше загрохотали сапоги. Трясущимися руками Чучело прикрыл окно.

Повсюду были слышны крики и ругань муров. После того как они обследовали крышу, запахло жареным, в прямом и переносном смысле. О том, чтобы выбраться обратно этим же путём, не было и речи, а в квартиру могли нагрянуть в любой момент. Баклан был белый как мел, а Лёня почувство-

вал, как вспотели ладони и застучало сердце. Внизу в подъезде затопали шаги, и кто-то начал выламывать двери. Лёня бросил рюкзак на балконе и стал торопливо натягивать теву. Вопли и требования поднимались всё выше и выше по подъезду, как и звук вскрываемых дверей, и устраиваемый погром.

– А-а-а! – раздалось от окна.

Лёня выпученными глазами глянул на балкон – там, повиснув на одной руке, держась за перила, висел Чучело. Лёня дёрнулся к нему, но в этот момент рука неудачливого рейдера разжалась, и он полетел вниз.

– Он там! Димедрол, он в той квартире! – раздался истошный вопль из подъезда. – Спрайт, мужики, все сюда!

В отчаянии Лёня заметался по квартире. Даваться в руки этим людям он не хотел совершенно. Дверь начали ломать. Лёня выхватил пистолет и, вкладывая в арбалет стрелу, подбежал к двери.

– Ну, сука, открывай! – раздался сильный удар в дверь. Мы тебя пытать особо не будем – просто зарежем, и дело с концом.

Бабах! Дверь ощутимо колыхнулась.

– Гель! А вдруг он через балкон утечёт! – гнусаво спросил кто-то.

Бабах!

– Твою ж... – выругался голос. – Чафир, Косой, пулей на крышу и семафорьте! Диск, Удод – вы к пожарной лестни-

це! Остальные вокруг здания и снова прошманийте второй подъезд!

Бабах!

– Открывай, козёл! Твоя мама пришла, молока принесла!

Бабах!

Сердце колотилось как бешеное, пот тёк не только по ладоням, но и по вискам. Лёня глянул на револьвер – может, оставить себе хоть одну пулю? Затем глянул ещё раз и, побелев ещё сильнее, приставил оружие к глазку двери и нажал на спуск.

Бах! Громыкнуло так же, как и прошлый раз, оглушая уши узким коридором.

– А-а-а! – раздалось за дверью. – А-а-а! Сукин сын! Моё ухо!

– Заткнись, Шаман! Всё, отошли от двери!

– Спек! Спек дайте, этот кусок дерьма мне плечо прострелил! Больно-то как...

На площадке послышалась возня.

– Ага, тебе плечо, а тебе ухо... – раздался тихий голос.

Возникла пауза, приглушаемая лишь стонами раненых, а затем вкрадчивый голос произнёс:

– Слушай, ты, крыса лабораторная, я не буду тебя убивать... Просто отрежу шесть пальцев, сам выберешь какие, ну, может, ещё руку сломаю... А потом увезу тебя к твоим друзьям. Считаю до трёх.

Бдыщ! – раздался особо мощный удар, а затем кто-то про-

сунул лом и стал медленно отжимать дверь.

Лёня выбежал из коридора, и вовремя – через щель туда залетела светошумовая граната. За спиной пыхнуло так, что в глазах скакнули зайчики. Лёня огляделся – вместо балкона он забежал на кухню. Так страшно ему не было никогда. Безумная мысль мелькнула в голове. Лёня открыл холодильник. Дохнуло невыносимым смрадом, но зажимать нос было уже некогда. Одним движением он сгрёб кучу дряни и, открыв ногой тумбу под раковиной, швырнул её в помойное ведро. Вторым движением Лёня вырвал полки и швырнул за холодильник.

Крак! – лопнула входная дверь.

Лёня буквально запрыгнул в холодильник и захлопнул за собой дверь. В ту же секунду раздался топот ног.

– Вылезай, сука! – донеслось из зала.

На кухне раздался топот. Лёня поудобнее перехватил пистолет и арбалет. Раздался грохот переворачиваемого стола и хлопанье дверями шкафчика.

– Его тут нет! – рявкнул голос совсем рядом.

– Кефир! Тут на балконе рюкзак! И окно распахнуто! Он через балкон ушёл!

– Мосфет! – заорал кто-то с балкона. – Прошерстите там всё! Что с сигналом?

– Пропал!

Глава 10

История неудачника

Снова вокруг загрохотали сапоги, хлопнула дверь, но Лёня не спешил покидать своё убежище. На улице раздавались крики, стрельба, приказы. Топот множества ног не стихал.

«Они не боятся привлечь заражённых? – отстранённо подумал Лёня. – Или это тихий кластер?»

А снаружи всё раздавались крики, топот, вопли, указания.

«Чучело... – отрешённо размышлял Лёня. – Почему его труп не нашли? Он ведь упал... И куда подевался Баклан?»

Вопли и ругань на улице не стихали.

Вдруг Лёня услышал тихие аккуратные шаги. Кто-то крался по квартире, войдя через сломанную дверь. Шаги приближались. Кто-то уже ходил по кухне рядом с холодильником. Сдавленно чихнул, зажав рот рукой от смрада, идущего из мусорного ведра. Приблизился ещё...

Дверь холодильника открылась, Лёня выбросил руку с револьвером вперёд и приставил её ко лбу раскрывшего в немом крике рот Баклана.

– Не стреляй! – произнёс Баклан громким шёпотом, подняв обе руки.

– Как ты выжил? – спросил Лёня, убирая оружие и наводя на него взведённый арбалет.

Баклан трусливо попятился и сел на пол, прислонившись спиной к кухонному шкафчику.

— Я это... — начал он. — Успел перелезть на нижний балкон, а потом тот дурак сорвался, и муры пропустили эту квартиру, сразу побежав сюда.

— Слушай, кого ловят? — задал вопрос Лёня, поудобнее усевшись в холодильнике. — Тебя или твоего напарника?

— Не... — Баклан ошалело развёл руками. — Я думал, тебя. А кстати, тебя как зовут? Ты же так и не назвался.

Лёня помолчал, размышляя.

— А как можно называться свежаку? — вслух сказал Лёня. — Свежий? Фреш? Зелёный? О... подойдёт. Зови меня Грин.

Баклан глянул на него с нескрываемым испугом и сильнее вжался в спиной в шкафчик.

— Не стреляй! — испуганно сказал он. — Я же рассчитался с ним! И уже сколько сижу тихо, только по помойкам шарюсь! Живу как мусор. Что ему от меня ещё надо? Нет! Не стреляй!

От такой реакции Лёня, а вернее Грин, опешил.

— Ты о чём? — только и спросил он. — Я здесь несколько дней. Ты о ком говоришь?

— Несколько дней здесь... — улыбнулся Баклан. — А в Улье уже сколько?

— Я же сказал, — отрезал Лёня. — Ты меня с кем-то путаешь. О ком ты говоришь? Кто тебя преследует? Хочешь, я расскажу, как оказался здесь?

Баклан продолжал испуганно смотреть на него.

– Ладно, слушай, – вздохнул Лёня. – Началось всё с того, что я ехал на поезде, и вдруг опустился туман...

Баклан чуть успокоился, перестал трястись как заяц. Крики на улице стали постепенно стихать.

– Так ты не от Роя? – задал он вопрос.

– Кто это? – спросил Грин.

– А, это тот человек, из-за которого я стал бомжом, – грустно сказал Баклан. – Только он в Улье даёт своим людям человеческие имена и не признаёт собачьих кличек.

– Он англичанин или ирландец? – поинтересовался Грин.

– Нет, он русский, – хмыкнул Баклан. – Просто когда попал сюда и узнал о местных правилах, то назвал себя Пчелиным Роем – по аналогии с тем, что оказался в Улье. С таким именем проблем не возникло, но каждый раз выговаривать это было долго и неудобно, и поэтому, сам понимаешь, со временем первое слово отпало. Осталось только одно – Рой.

– И что в нём такого, что заставляет пугаться?

Баклан отвёл глаза и сказал:

– Да в принципе ничего.

Грин опешил.

– В этом-то и причина, – пояснил Баклан. – Он попал сюда без оружия, вещей, не был ни крутым бойцом, ни даже охранником ЧОПа. Его ещё и грабили дважды или трижды. А потом осел и стал тянуть всё к себе. Стал рейдером-оди-

ночкой, и буквально начались чудеса – уходил один, а возвращался с кучей еды и вещей. А то и вовсе – вышел за едой, а вернулся с останками топтуна. А потом стал ни в чём себе не отказывать, всегда был при спорах, при живце. Молчаливый и нелюдимый, что-то писал, по кластерам ходил с инструментами, иногда куски заражённых приносил и что-то с ними делал. Те несколько человек, которые его знали, говорили, что он изучает Улей и заражённых, как животных, ходит на них, будто на охоту. А после он уже стал известен как хороший охотник и ему сделали предложение сходить вместе в рейд. В том рейде выкосили целый кластер с заражёнными – и середняков, и крупняк.

– Так он что, профессиональный трейсер с навыками зоолога? – спросил Грин.

– Нет, это было только начало, – покачал головой Баклан. – После он ушёл. Я тебе говорил, что его грабили? Так вот, он везде искал этих людей, описывал их внешность, клички и спрашивал – не было ли здесь такого? Так и шёл, флегматично повторяя один и тот же вопрос, что-то записывая, выходя из кластеров, и каждый раз с нехилым барышом. И заметь, никто не знал, какой у него дар. Предположения ходили самые фантастические: телекинез, следопыт, клоустопер и прочее. Он сам не говорил. И ещё до того, как ушёл в свои странствия, он сделал то ли винтовку, то ли специальные патроны девятого калибра... Говорили, что один такой патрон отрывает лапу у топтуна... А когда он стал скиталь-

чем, то вообще сорвал джек-пот – стал чем-то приторговывать с группой проституток. Нет, не так... Правильнее будет сказать – с синдикатом, который делал основную прибыль на проститутках и негласно являлся хозяином стаба. Что он им продавал – неизвестно, но всегда имел лучшее оружие, патроны, бронежилеты и всё такое прочее и был там желанным гостем. Потом встретил кваза, который таскался с ним, как собака. Кстати, он и был похож на собаку. А ещё троих военных, которых окрестил двухчастными именами – так же, как и себя.

– Может, бывший учённый или бизнесмен? – приободрил затихшего Баклана Грин.

– Не знаю, – покачал головой Баклан. – Кто-то говорил, что нейробиолог, кто-то – что сибирский охотник, кто-то – что сотрудник НИИ. Но после такого увеличения отряда его прибыль, говорят, попёрла в гору. И в рейды за хабаром, и в рейды на заражённых они ходили своей маленькой группой и были в достатке. А потом...

– Убили?

– Нет, – снова покачал головой Баклан. – Потом был крупный рейд на муров. Угадай, кто организовал. Правильно – тот самый человек, а с ним и синдикат проституток, несколько удачливых торгашей и рейдеры, жаждущие наживы. Больше мишень – больше прибыли. Потом была ссора в этой компашке, и все разошлись, а Роя убили, только вот это оказалось фикцией – ссора разыграна, смерть инсценирована. И

кончилось всё очередным походом на муров с теми же действующими лицами, а после той кампании этот тип получил БРДМ и какой-то джип, плюс дорогое снаряжение, и осел в стабе.

– И как же ты перешёл дорогу такому бизнесмену? – поинтересовался Грин. Баклан не выглядел ни опасным, ни умным, ни даже знающим что-то, чего не знает никто.

– Жадность. И глупость, – поморщился Баклан. – Я был так, мелким директором. До Улья. Повезло... А тут... Попал и стало везти – прибились ко мне несколько ребят, гораздо более сильных и умелых с оружием, чем я сам. Потом нашёл ксера и стал деньги делать, начал водить грузовики, а там появилось псевдонолдовское оружие. Гаусс-винтовки, плазменные пистолеты... И у меня оказался маленький караван... Только я потом узнал, что это не везло мне, и не я был умный такой – несколько человек от муров в караване были, а остальные – рейдеры продажные, у которых своё задание... Муры через меня отмывали свои доходы, понимаешь? Когда дурак находит кучу оружия, он считает, что ему повезло, и забирает его, продаёт как чистое оружие. А его заранее подложили муры.

– А при чём тут этот Рой? – не понял Грин.

– Говорю же, жадность выиграла, – грустно вздохнул Баклан. – Пока я торговал и прибыль копил, он изобрёл фотоаппарат, который определяет дар у человека.

Грин присвистнул.

– Вот, – кивнул Баклан. – И его у него украли. Я ещё подумал: «Лошара, сколько же тебе приписывают». И попал тот аппарат ко мне. Продал его один пацанчик... И тогда же этот Рой стал снова по Улью шерстить... Я думал: «Вот лошара, пролюбил аппарат и теперь ищет». Вот только он что-то своё делал... А потом я его встретил и, ты знаешь, разочаровался – обычный заурядный мужик, флегматичный, как буддистский монах, самой обычной внешности, в потёртой одежде. У меня тогда уже были эти навороченные гаусс-винтовки. Так вот, он у меня ксера увёл – тот недоволен был и сам ушёл. А что? С появлением энергетического оружия услуги ксеров упали в цене. На него не нужны патроны, не нужно масло. Оружие будущего. А я... решил, что увидел лоха, и посчитал, что могу безнаказанно отомстить... Тут началась инфляция – с таким оружием цена на патроны резко снизилась. И я продал двум скупщикам все ящики. Себе оставил несколько цинков и единиц оружия. Как потом оказалось, скупщики были людьми Роя.

Грин с интересом слушал.

– Ну так вот... – продолжил Баклан. – Решил я, значит, за ксера не только отомстить, но ещё и поглумиться. Тут мне опять подфартило – пришли, значит, ко мне женщина и трое мужиков в охрану поработать. И запросили мало. Я и не просёк ничего. Стал клинья подбивать. Она благосклонно к этому относилась, но до секса так и не дошло. Втайне от остальных я эту четвёрку собрал и подготовил встречу для Роя,

и ещё одного человека задействовал. Явился, значит, он с несколькими людьми, и я тут вышел с ребятами, стволы навёл и давай говорить, зачем, мол, моего ксера забрал, какой он лошара, что с ним делает его баба... А он сел так спокойно на стул, бровью даже не повёл и оружие не достал, сидит, слушает так спокойно. И понимаю я, тут что-то не то. А он дослушал и говорит, мол, ладно, ребята, стволы убрали, сейчас поговорим на другие темы. Я гляжу, а те, кого я с собой взял, и правда убирают оружие.

Грин представил картину.

– А Рой так спокойно говорит, это, типа, мои люди. Я хватаюсь за пистолет, а баба та смеётся, мол, стволы не хватай, я всё разрядила. Я хватаю один, второй, третий – и правда все разряжены. И тут я понял, что попал. А Рой так спокойно говорит мне, типа, давай рассказывай, кто тебя торговцем сделал, кто товаром снабжал, кто был с тобой, где левый товар достал – адреса, пароли, явки, а я тебе дам автомат и за каждый ответ буду давать патрон.

Баклан уныло помолчал.

– Наговорил я на магазин патронов. Он меня и отпустил. Машину забрал, и всё, что в ней было, камеру свою тоже. А я закоулками и перебежками до стаба дошёл, а как дошёл, понял, что совсем попал – подельники забрали всё, кроме остатков электронных стволов: машины, вырубку, топливо, броники, снаряжение, огнестрел, и свалили. А потом выяснилось, что стволы сломаны и не работают, часть напарни-

ков оказались мурами, остальные – рейдерами, которые работали на другую группировку муров, стволы стали никому не нужны, а у меня не осталось ни патронов, ни огнестрела. Только автомат Роя и его патроны.

Баклан угрюмо замолчал.

– Вот так я и стал бомжом без гроша. Сидел бы спокойно, не строил козни – успел бы хоть что-то сохранить, не всё бы подельники разворовали. Смог бы и себе в карман отложить. Я потому и струсил, когда ты сказал, что ты Грин. Думал, от Роя весточка прилетела...

– А чего грустишь? – не понял Грин. – Ты же сам сказал, что был мулом по отмыванию денег. Не сорвись ты свою подлянку делать, тебя бы бывшие подельники порезали на месте или застрелили. А не застрелили, так подставили.

Баклан промолчал.

– А сейчас он чем занимается? – спросил Грин.

– Рой-то? – печально поднял голову Баклан. – Сначала разорился, а потом на всём этом поднялся. В стаб разрушенный пришёл, там ещё присоединились к нему несколько торговцев, та баба, которая проститутками управляла, киллер один, ещё кто-то. Патронов-то при инфляции он много закупил. Хватило стаб отстроить. Торгаши и синдикат проституток вложили ещё средств – и оружия закупили, и техники... Гаусс-ружья, которые купил каждый второй, стал ремонтировать... Разделили обязанности, каждый занялся чем-то одним. Теперь это самый богатый стаб.

Баклан снова тоскливо замолчал.

В это время с улицы раздался крик:

– Эй! Ты! Ваше благородие! Господин внешник! Или ты выходишь, или мы начинаем тут по кусочкам бабу резать!

Баклан и Грин переглянулись.

– А-а-а! – раздался истошный женский крик.

Глава 11

Палач. Часть первая

Грин и Баклан буквально обмерли. То ли от дикого крика, то ли вспомнив, что они тут не одни.

– А-а-а! – снова раздался истошный крик расчленяемой жертвы.

Грин побледнел, затем направил арбалет прямо на Баклана.

– Баклан, а ты, часом, не внешник? – хрипло спросил он. – И директором раньше был... За себя-то я точно ручаюсь.

– Да ты чего? – Баклан побелел. – Да я... Да я в Звенигороде был директором мебельного магазина! ЛДСП закупить, порезать, крепежи, закромку сделать, покупателя найти... Да убери ты свой самострел!

– А-а-а! – раздался надрывный крик.

Баклан побледнел.

– Тогда кого они тут искали? – спросил Грин. – Этот второй с тобой, он кто?

– Да откуда я знаю! – отрезал Баклан. – А Чучело точно не внешник – его ментаты сколько раз уже допрашивали! Он просто идиот! Бесполезный, ничего не умеет, только водку жрать.

«Но как-то же он выживал до встречи с тобой, – подумал

Грин. – Да и когда с балкона выпал, муры его так и не нашли».

– Путают чего... Укурки, – предположил Баклан. – Или кто-то кроме нас тут есть. Квартал большой, а ты сам слышал – у муров этих сигнал только дом показывает. Может, с такой точностью он вместо соседнего дома наш показывает.

– А-а-а! – раздались истошные крики. – А-а-а!

– Что они там с ней делают? – спросил побледневший Грин.

– Та женщина, которую с собой притащили... – Баклан стал стремительно сереть. – Ну, сначала, пока нас искали, изнасиловали, а потом заткнули. А теперь потрошить стали. Живой. Знаешь, спека примут, чтобы забалдеть, жертву накачают опиатами или героином, чтобы не вырубилась, и начинают. Глаз вырежут, потом начнут пальцы резать, по фаланге, потом поясницу вскрывать и почки вынимать, ноги перерубать в фарш, начиная с пальцев, или просто отрезать...

– Прекрати, – произнёс побледневший Грин. Желудок скрутило и вытошнило желчью.

– А-а-а! – снова донёсся дикий, сводящий с ума крик.

Грин дёрнулся.

– Даже не думай, – побелевшими губами сказал Баклан, зажав уши ладонями. – Ты не тот, кого они ищут, сломанными руками не отделаешься. Выйдешь к ним – тебя так же расчленять станут.

Грин дёрнулся, захотел что-то сказать, но затем последовал примеру Баклана и зажал свои уши руками. Не помогло. Дикий истошный крик просачивался через преграду и буквально ввинчивался в мозг, рвал ушные перепонки и будто транслировал чужие мучения в подкорку. Баклан побелел, его глаза словно вылезли из орбит, а изо рта лился отхаркиваемый желудочный сок и слизь, так как от пищи желудок уже избавился. Себя со стороны он не видел.

Наконец крики стихли. Баклан отнял ладони от ушей. Грин проделал то же самое. Однако голоса и ругань муров продолжили звучать. Затем раздались какие-то злые приказы, снова топот ног и шум отъезжающих машин.

– Всё... – тихо сказал Баклан. – Свалили. И слава богу.

Грин, всё это время так и просидевший в холодильнике, пусть и с открытой дверью, почувствовал, как затекло всё тело, и со стоном выбрался наружу. Чтобы тут же опуститься на пол – тело болело.

– Давай посидим ещё немного, – предложил Грин.

– Давай, – кивнул Баклан. – Надеюсь, у того дурака хватило ума сбежать или спрятаться.

Десять минут рейдеры потратили на то, чтобы растереть затёкшие мышцы. Затем Грин спросил:

– У тебя есть запасная фляга?

Баклан молча протянул ему ёмкость.

– У меня ещё споран есть, – вслух сказал Грин. – Я пока ещё живца приготавливаю.

Баклан только кивнул.

– Сходи, глянь в окно, что там.

Баклан посмотрел в окно, а затем вышел из квартиры, чтобы выглянуть с другой стороны.

Грин снял с пояса основную флягу и поболтал ею. Остатки живца ещё были. То что надо.

– Никого, – вернулся Баклан.

– Я тут живца приготовил, – отхлебнул из фляги Грин. – Прими-ка тоже.

Баклан выпил.

– Спасибо, – сказал он.

– Выждем ещё десять минут, – предложил Грин.

– Угу.

– Ну, давай-ка выходить, – скомандовал Грин спустя время, быстро ощупывая себя. Электрошокер был во внутреннем кармане куртки, фонарь тоже, револьвер переместился под вторую полу, во внутренний нагрудный карман, кортик с ножными в сапоге, второй нож и основная фляга на поясе. Запасную флягу он тоже предусмотрительно убрал во внутренний карман.

Медленно и не спеша оба побрели наружу. Двор оказался пуст.

– Тихо! – скомандовал Грин.

Баклан послушно замер.

– Стонет кто-то, – сказал Грин. – Слышишь?

Баклан прислушался.

– Ага. Вроде женщина. Из того гаражного комплекса.

– Пошли проверим. – Грин двинулся к унылым бетонным гаражам.

– Ты чего? – не на шутку перепугался Баклан. – А если заражённый?

– Заражённые не стонут, – отрезал Грин. – А судя по тому, как эти укурки здесь шумели, они были уверены, что сюда никто не сунется... Может, у них квадрокоптер был? С камерой?

– Может, – сказал Баклан, но остался на месте. – Я это... лучше тебя здесь подожду.

Грин глянул на трусившего Баклана и, взяв арбалет на изготовку, зашагал к гаражу. Уже на подходе к гаражу стали видны бычки на земле и использованные одноразовые шприцы. Из гаража доносились стоны, ворота были открыты. Грин подошёл ближе и снова почувствовал спазм желудка – весь гараж был заляпан кровью, а рядом с входом лежали аккуратно отрезанные человеческая ступня, лодыжка и бедро, заливая пол кровью. Грин содрогнулся, и его вырвало остатками желчи и недавно принятыми остатками живца. Поборов дурноту, он оторвал взгляд от растерзанной конечности и увидел девушку. Она была ещё жива и дышала. Несчастная жертва лежала на верстаке у стены гаража. Руки были прикручены к столешнице саморезами по металлу. Плечи, предплечья, поясница были закреплены старыми ремнями от генератора и ГРМ, в свою очередь прихваченными теми

же саморезами. Тошнота уже не могла прийти, а вот в голове зашумело и в глазах стало темнеть – рассудок не мог выдержать такого зрелища. Муры использовали все инструменты, которые были в гараже: грубый драчёвый напильник, тиски, пассатижи, шуруповёрт и паяльник, лобзик по металлу и ножовку, шило, молоток... Грин чувствовал, что если продолжит смотреть на искалеченное тело, то тут же потеряет сознание. Он опустил взгляд в пол и, не сдержавшись, заорал – ему стало понятно, почему девушка больше не кричит, а лишь издаёт похожие на мычание стоны.

Сердцебиение участилось, в голове застучал набат. В глазах потемнело. Грин резко обернулся назад и снова заорал – за его спиной, в шаге от него стоял небритый мужик с густой щетиной и волчьим взглядом мясника. Как он оказался здесь, было непонятно – должно быть, вышел из-за зимней войлочной шторы, которые были заботливо сдвинуты по углам дверного проёма. Грин вскинул арбалет, мур резко выбросил руку вперёд и сунул указательный палец позади спускового крючка. Грин нажал на спуск. Без толку – спусковой крючок упирался в палец мур и не имел возможности нажаться. Мур оскалился и махнул второй рукой. Инстинктивно Грин отскочил, отпустив арбалет, и вовремя – там, где были его глаза, пронеслось лезвие ножа.

– Ну, иди сюда... поросёночек. – Мур швырнул нож, и второй рукой схватил ложе арбалета.

Грин дёрнулся, но этого оказалось недостаточно – нож,

вместо того, чтобы попасть в грудь, вспорол ткань на плече и наполовину вошёл в тело. Плечо обожгло резкой болью.

«Вскользь задел. Царапина», – подумал Грин, понимая, что сейчас произойдёт, и хватая с верстака окровавленный молоток.

– Все ушли, а я остался. – Мур уже поворачивал арбалет стрелой к Грину. – Знал, что ты придёшь погеройствовать. Спаси...

Грин швырнул окровавленный молоток в голову мур.

– Ах ты ж... – чертыхнулся тот, нажав на спуск и одновременно пытаясь уклониться.

Стрела улетела в сторону верстака. Грин побежал на мур, понимая, что второго шанса не будет. Выдернул из плеча нож и, держа его двумя руками, зарывав, попёр на врага, как бык. В глазах мур на мгновение что-то мелькнуло, а затем он, чуть повернувшись боком, профессионально выполнил удар ногой. Стопа впечаталась в живот Грина, отбрасывая того на шаг назад. Ещё до того, как Грин упал, мур, развернувшись на пятках, оказался рядом и, размахнувшись, ударил его прикладом арбалета по челюсти. Грин рухнул на спину.

Мур любовно поднял с пола свой нож.

– Как легко было тебя поймать, – ухмыльнулся он. – Так и знал, что явишься сюда. Ты же благородный...

Мур медленно шагал к нему.

– Такой добрый, такой честный... – мур скривился. – Как же перевернулся твой мирок, когда ты узнал, что печень и

почки, что ты сортируешь по контейнерам, на самом деле вырезаны из живых людей. А может, и мёртвых. Вот только умирать они не хотели.

– Ты меня с кем-то путаешь, – отрезал Грин, переворачиваясь на живот и подтягивая флягу к губам.

Мур, не слушая его, пинком выбил из рук флягу.

– Ах, как ты блевал и кричал с вытаращенными глазами, – продолжил мур. – Мне рассказывали. Тебе же было так жалко всех этих людей. Как ты рыдал до зелёных соплей и выл...

Не торопясь, он снова приложил Грина прикладом по позвоночнику, а затем наступил каблуком на пальцы и, не обращая внимания на корчи новой жертвы, подошёл к фляге и, подняв её, откупорил, затем отхлебнул.

– Как предсказуемо было твоё желание защитить, спасти... – Мур продолжал смаковать живец. – Это ведь я предложил взять с собой бабу. Думал ловить на живца.

– Ты меня с кем-то путаешь, – ответил Грин, поднимаясь на четвереньки. – Я простой учитель из универа, ехал в поезде в Омск. А потом началась перезагрузка кластера Адская станция, и я попал сюда.

Мур смерил его внимательным взглядом.

– Смотри-ка, – сказал он, допив живец. – Не врёшь. Я бы почувствовал. Значит, всего лишь копия нужного человека? Дубль... Как банально. Жаль...

Мур хлопнул себя ладонью по лицу.

– Не повезло. А я уже думал, что захапал нужного чело-

века и хотел разбогатеть...

Внезапно он отнял ладонь от лица и внимательно посмотрел на Грина.

– Но знаешь... – сказал он, пристально глядя на него. – Ты всё равно просто мешок мяса и органов. И я получу свою награду. С радостью разделаю тебя и продам внешникам.

Мур перехватил поудобнее нож и двинулся к Грину.

– А может, сделать не так... – Мур делано задумался. – Я вырежу тебе язык и отрежу ногу, чтобы ты не смог сбежать, а после продам тебя внешникам и получу неплохой барыш... Они не заметят подмены. А потом я найду твоего оригинала, порежу его и получу за него барыш ещё раз.

– Выкуси, ублюдок, – злорадно улыбнулся Грин. – Во флаге, из которой ты выпил, был яд. Хлопья споранов.

Мур изменился в лице и, отбросив нож, схватил с пояса пистолет.

– Выкуси, – повторил Грин и выхватил из-за пазухи револьвер, который сжимал уже минуту.

– Получи, сука! – рявкнул он, наводя на мура оружие и нажимая на спусковой крючок.

Грохнул выстрел.

Глава 12

Палач. Часть вторая

Мура отбросило выстрелом к стене. Внезапно в углу зашуршало.

Пшш... Пшш...

Грин обернулся на звук, наводя на угол пистолет.

– Пшш... Мосфет, что там у тебя? Пшш... В твою сторону идёт гость... Пшш... Крупный гость... Пшш... Не меньше кусача...

«Рация», – подумал Грин.

В этот момент в грудь ударил газовый ключ. Грин выронил пистолет и зашатался. Мосфет тем временем пошарил рядом с собой в поисках других тяжёлых предметов и стал подниматься.

– Неплохая попытка... – протянул он. – Вот только, сука, на мне бронежилет... Вот говно... Как голова-то кружится... Траванул... Вот только я умирать не собираюсь.

Схватив разводной ключ, он с силой метнул его. Ключ попал в живот, и Грин согнулся пополам. Мур поднялся, его глаза налились кровью, тело пошатывало, а ухмылка окончательно превратилась в волчий оскал.

– Траванул... – Мосфет перехватил нож и, закатав рукав, быстро полоснул себя по вене, затем по второй.

Бордовая кровь полилась ручейком. Грин, едва справляясь с болью в солнечном сплетении, распрямился и шагнул в сторону оброненного револьвера. Сплетение отозвалось сильной болью, в глазах потемнело.

– Вот только я умирать не собираюсь... – Мосфет, с окровавленным ножом, истекая кровью, шагнул к нему. – Я пустил себе кровь, а вместе с ней выйдет и яд, который туда попал. Главное – вовремя сделать перевязку...

Сунув окровавленный нож за пояс, он вынул из нагрудного кармана инъектор и, вколов в предплечье, закатил глаза. Резко раскрыв глаза, он расхохотался лающим резким смехом, затем рывком приблизился к Грину и одной рукой схватил за воротник, а второй ударил в живот, после чего оттолкнул, заставляя повалиться на спину.

– А-ха-ха! – Мур снова рассмеялся лающим смехом и ударил Грина ногой по рёбрам. – Какая же чудесная дурь этот спек!

Кровь капала, а мур всё наносил и наносил удары.

– А-ха-ха! Ты просто не представляешь! Это невероятно! Я чувствую себя... как летящий дракон! И кстати, это самая лучшая анестезия! Не, в натуре. Вообще не больно!

Лицо его застыло в жуткой улыбке, изо рта то и дело вырывался хохот, глаза налились кровью, а движения стали более рваными.

– И знаешь, что самое лучшее? Не знаешь! Хороший спек, а ещё лучше хорошо приготовленный, это такой яд, который

нейтрализует действие всех других: опьянение, отравление тяжёлыми металлами, отравление алкалоидами, даже... бензином!

Мур замер.

– Блин! Я ведь так могу истечь кровью... Что ж ты мне не напомнил?! А?! – Он ещё раз пнул Грина. – Хотел, чтобы я сдох? С такой дрянью, как хлопья, пришлось не только ширнуться, но и перестраховаться – пустить кровь...

Он не спеша достал бинт, жгут и стал заниматься раненой рукой. Отошёл, нажал кнопку на рации и, занимаясь перевязкой, сказал:

– Это Мосфет. Пацаны, подгоните мне тачку или бросьте где-нибудь поблизости, я сам доберусь.

Перевязав руку, он повесил рацию на пояс и, дирижируя ножом, двинулся к Грину.

– А теперь я займусь тобой, клон-неудачник. Мы неплохо повеселимся. Видел, какие тут инструменты? Сначала мы поиграем в шило и ногти, затем добавим пассатижи...

Мосфет буквально выкатил глаза, безумно ухмыляясь.

– Потом будут тиски и молоток. Мягкое мясо с переломанными костями можно потихоньку стачивать грубым напильником. А когда конечность станет не нужна – я пушу в ход пилу.

В этот момент в дверном проёме мелькнула какая-то тень. Что-то крупное попыталось ударить мура. Мосфет рывком отскочил и исчез из поля зрения.

– Спасибо, Баклан, – разбитыми губами прошептал Грин. Мосфет расхохотался, как будто слышал хорошую шутку. Грин аккуратно попытался перевернуться, что вызвало новую волну боли, и тут же растянулся плашмя. Грин потянулся, и увидел лежащий перед глазами пистолет Мосфета. Позади что-то грохнуло – словно упал ящик или шкаф.

– Баклан? – поднимая голову, спросил Грин.

Это был не Баклан. На него в жутком подобии улыбки смотрел лотерейщик. Грин сразу узнал эту тварь по описанию – мощная мускулатура, мышцы на изменившемся лице, сильные челюсти, острые, как у пилы, зубы, изменившиеся глаза. Поймав его взгляд, тварь резко дёрнула мордой вперёд, смыкая челюсти. Грин заслонился левой рукой. Челюсти клацнули смыкаясь.

Грин заорал. Тварь разжала челюсти. Свободной рукой Грин нацелил пистолет в живот твари и нажал на спуск. Ничего не произошло. Лотерейщик отпустил руку и тут же снова откусил от неё маленький кусочек, играя с жертвой. Грин заорал снова.

«Предохранитель!» – мелькнула мысль. Палец дёрнулся. Упрямая железка не желала поддаваться, лотерейщик медленно придвинул морду.

– Бах! – выстрел хлопнул как спасение.

– Ва-а-а! – взревел лотерейщик.

Бах! Бах! Бах! Бах! Бах! Бах! – Грин стрелял в упор, пока пистолет сухо не защёлкал, оповещая о том, что магазин

пуст. Огромная туша затихла и навалилась на него всем весом. Стоная и корчась, Грин выполз из-под туши твари, подобрал окровавленный нож и вонзил в неё, затем ещё и ещё. Потом вспомнил о кровоточащей руке и, стоная от боли, вытащил ремень, чтобы сделать перевязку. Корчась, он огляделся. Мосфета нигде не было. Видимо, тот, увидев заражённого, спрятался в погребке. Очевидно, хлопнула крышка. Кое-как перевязав себя, Грин вспомнил о плече.

Это оказалась не царапина – нож хоть и прошёл вскользь, но разрезал кожу и мясо, и теперь, кроме текущей крови, после сброса адреналина добавилась ещё одна боль. Порвав рукав на бинты, Грин сделал ещё одну перевязку и вспомнил о второй, чудом уцелевшей фляге, запаске Баклана, которую он сунул за пазуху – там был настоящий живец. В той, что на поясе, была лишь малая часть с ядом. Именно ради этого он отослал Баклана с кухни посмотреть в окно.

Порция живца, сделанного из алкоголя, частично притупила боль. Ощупав себя на предмет повреждений, Грин пришёл к выводу, что, возможно, имеется несколько закрытых переломов или особо сильных ушибов. Живот болел так, будто что-то внутри было разорвано. Думать об этом не хотелось. Сплюнув кровью, Грин долго не мог понять, откуда она – то ли из разбитых кровоточащих губ, то ли из желудка, который вполне мог получить несколько разрывов от пинков берцами и прочих ударов.

Долго рассиживаться было нельзя – где объявился один

лотерейщик, появится и второй. Морщась от боли, Грин подобрал свой револьвер и заковылял к жертве. Не доходя до неё, задумался, затем подошёл к погребу и передвинул на люк бочку с отработанным маслом – пускай Мосфет посидит там. А желательно пусть вообще там живёт.

Вернувшись к верстаку, Грин застыл столбом – стрела из арбалета попала в девушку.

Глава 13

Тяжёлая ноша. Часть первая

Ступор длился всего несколько секунд – Грин заметил, что грудная клетка поднимается и опускается, а глаза чуть заметно двигаются. Он облегчённо выдохнул, затем заметил, что стрела попала ей в ногу. Минуту стоял, а потом прислонился к стене и почувствовал, что совсем лишён сил. В голове царил хаос, в голове был кошмар, мозг просто рвал сам себя на части.

Грин отдышался, подошёл к лотерейщику и ещё раз проколол труп ножом. Потом без сил опустился рядом и вскрыл тому нарост на затылке. В этот раз даже не было так мерзко, как в прошлый раз. Всего один споран... Грин снова поднялся и подошёл к девушке. Встал у изголовья. Глаза чуть сдвинулись в его сторону. Понимает ли она что-нибудь? От такого можно уже и помешаться. Грин хрипло задышал, прикоснулся к ножу на поясе, затем сжал крепче верный револьвер в руке. Девушка внезапно поймала его взгляд и медленно опустила веки, затем дёрнула головой. Грин почувствовал, как давление от участвовавшего сердцебиения сдавило барабанные перепонки. Девушка снова посмотрела ему в глаза, затем перевела взгляд на револьвер. Снова на него, а затем снова на оружие. Грин сглотнул, почувствовав, как холоде-

ют руки и, не веря сам себе, чуть дёрнул рукой с револьвером, а потом свободной левой показал пальцем на него. Руки тряслись. Девушка снова медленно прикрыла веки. Открыла глаза и чуть заметно дёрнула головой. Грин понял. Руки затряслись ещё сильнее.

Грин шагал, идти было невероятно тяжело, шатало и постоянно штормило, неоднократно рвало желчью и слизью, хотя желудок давно опустел. В голове стоял туман. В голове бухал набат. Так плохо ему давно не было. Трусливый Баклан, похоже, свалил ещё тогда, когда в гараже началась бойня. Зря... Сейчас Грин не отказался бы и от такого общества. Нещадно болели рёбра, которые, как себя ни обманывай, были сломаны. Болели голень, стопы, предплечья и локти. Прорез в плече саднил мозг тупой болью. Сверлила череп рваная рана в прокушенной руке. Однако сначала было хуже.

Девушка замычала, когда Грин убрал револьвер. Замычала и задёргалась. Затем стала стонать от боли в ранах. Грин подошёл к ней и, вынув нож, начал перерезать ремни. Нашёл шуруповерт и стал выкручивать саморезы из рук. Жертва стонала. Потом дошла очередь до стрелы... С водой проблем не было – хозяин гаража держал целую канистру. Сложнее было с чистой одеждой...

Сейчас, корчась от боли и чертыхаясь, Грин тащил на себе жертву. Прорезав в старом брезентовом рюкзаке отверстие

для ноги, он надел его на девушку так, чтобы нога прошла через отверстие, а затем устроил рюкзак на спину и зашипел от боли. Ковылять получалось медленно. Мозг твердил одно – бросить её или застрелить, как она сама хотела. Но почему-то он не мог этого сделать. Физически не мог. Чувствовал её желание умереть, но не хотел её убивать. А ещё понимал, что далеко он с такой ношей не уйдёт: запах крови и истерзанного тела – просто приглашение к обеду для заражённых, и даже если они не встретят ни одной твари, то девушка в любом случае умрёт от полученных ран. Но продолжал нести её. Болело всё тело. Как-то слабо верилось в рассказы Баклана о том, что всё быстро заживёт, стоит только принимать живец. Хотя в этом наверняка была доля правды – сердце до сих пор не остановилось. Поэтому Грин, хрипя и чертыхаясь, продолжал упорно ковылять вперёд. Слава богу, что из заражённых оказался только тот лотерейщик, который подкараулил его в гараже. Отковылять удалось всего на шесть километров – стало смеркаться. Из места под ночлег была выбрана аптека. Глядя на неё, Грин рассудил, что такое заведение не оружейный магазин и не продуктовый, поэтому, скорее всего, её не обнесли так сильно, если вообще обнесли – рейдеры, как он понял, стараются лечить всё живцом и водкой.

Расчёт себя оправдал – аптека оказалась нетронутой. Более того, в ней нашлись бинты, антибиотики, обезболивающее, противовоспалительное и еда – детское питание и ге-

матогены на десерт. Шипя и плюясь от боли, Грин обработал собственные раны, после чего перебинтовал, затем, найдя в сейфе среди других особо контролируемых лекарств морфин для онкологических больных, вколол девушке десять миллиграмм, как того требовала инструкция, и занялся её ранами. Однако вскоре пришлось сделать ещё несколько уколов – отрезанная нога должна была вызывать адскую боль. Девушка посмотрела на него уже затуманенными глазами и вскоре заснула. Грин, перекусив детским питанием и шоколадными батончиками с кровью быка, уснул, сидя на полу. Проснулся один раз ночью от затёкшего тела и переполненного мочевого пузыря. После снова забылся тревожным сном.

Утро встретило тревожным рассветом и новыми проблемами – кроме голода и разбитости появились вопросы – куда идти и что делать? Баклан успел только сказать, что рядом есть стаб. Ни в какую сторону идти, ни что делать, пояснить он не успел. То, что в этом аду можно как пройти мимо, так и уйти в другую сторону, было понятно и так. Занявшись обработкой ран и уколов своей ноше морфий и поставив капельницу с глюкозой и физраствором, жуя вместо нормальной пищи диетические сухари, Грин решил, что сейчас лучше всего уйти как можно дальше – кругом ещё могли бродить муры, а встреча с Мосфетом наглядно показала, что ему не тягаться с местными жителями. В идеале, пожалуй, следовало идти в единственное место, которое он запомнил

– кластер Адская станция. Сейчас он должен был быть пуст – наверняка заражённые уже съели всех и разбрелись, а до следующей перезагрузки время ещё было. Идея не то чтобы ему очень нравилась, но других просто не было.

Собрав вещи и запас еды, Грин двинулся в сторону Адской станции. Может быть, подействовали лекарства, а может, живец на основе медицинского спирта, но идти стало гораздо легче. Грин снова двинулся вперёд. Усталость иногда брала своё, но кроме этого появилось неприятное ощущение чужого взгляда. Паранойя стала усиливаться. Несколько раз Грин старался обернуться, чтобы разглядеть неожиданного преследователя, но с таким грузом на спине это было не так легко сделать, и все попытки не увенчались успехом. Ближе к вечеру мелькания чего-то чёрного на периферии зрения участились. Грин, уже не выпуская, держал в руке револьвер и поворачивался при каждом шорохе и мелькании. Что-то крупное стремительно исчезало. Напряжение нервировало, как и неизвестность. Сделав круг, Грин прошёл через то место, где в последний раз видел мелькающее нечто. Газон был взрыт странной формы следами, как будто кто-то тяжёлый в сапогах с острым каблуком переминался с ноги на ногу, а потом резко побежал. Увиденное очень не понравилось Грину. Он шагал до самых сумерек, всё чаще озираясь по сторонам. Найдя в одном из домов пустую квартиру с открытой дверью из стали толщиной в пять миллиметров, облюбовал её под ночлег. Запер дверь, тщательно осмотрел квартиру и только

после этого принялся выполнять вечерний ритуал: принятие лекарств, перевязку ран, ужин. На улице раздался какой-то скребуще-стучащий звук. Грин на цыпочках прокрался к окну и успел увидеть, как в сумерках снова что-то мелькнуло.

Теперь сомнения отпали – дьявол Стикса снова вышел на охоту за своей любимой пищей, нежной человечинкой, и упорно преследует Грина. Спутница почувствовала себя немного лучше и теперь уже поворачивала голову, когда он входил в комнату, и иногда шевелила искалеченными руками, устраивая их поудобнее. Без языка она не могла говорить, но Грину хватало взгляда. Сразу становилось мучительно больно и возникало чувство вины.

«Не успел, – приходила в голову мысль. – Дал разделать. Не добил».

В очередной раз поймав взгляд, Грин поспешно вышел. В этот раз он остался ночевать в прихожей с револьвером в руках – на случай, если кто-то будет ломиться в дверь.

Очередная ночь, как ни странно, прошла спокойно. Однако утром Грин чувствовал себя ещё более разбитым – сказывалась уменьшенная доза живца, которую теперь пришлось ещё уменьшить, чтобы делить на двоих. Поставив очередной укол морфия своей молчаливой спутнице и дав немного живца, снова поймал пристальный взгляд. Девушка что-то попыталась сказать, но снова вышло лишь мычание. Тогда она ещё раз посмотрела на него и помотала головой. Стало понятно даже без слов. Грин нахмурился и отошёл к окну.

Затем привычно потащил свою ношу, так же озираясь.

Он пришёл в полдень. Сначала Грин услышал цокот копыт, а затем показался и их хозяин – покрытое буграми мышц и начавшей зарождаться костяной бронёй существо с вытянутой мордой. При каждом шаге существо цокало ногой по асфальту, как лошадь.

«Топтун», – Грин вспомнил, как называл это существо Ба-клан.

Топтун не имел одной руки – кто-то оторвал её, и слегка прихрамывал на одну ногу, но всё равно выглядел смертоносным и очень опасным. Раненый хищник просто осторожничал, кружа всё это время вокруг, но сейчас голод взял своё, и он спешил к вожаденной добыче. Грин бегом направился к ближайшему зданию. Однако с тяжёлой ношей сделать это быстро не получалось. Ноша издала какой-то странный звук, похожий на смешок. Грин настолько быстро, насколько это было возможно, забежал в первую попавшуюся квартиру, запер дверь, и тут же раздался мощный удар. Замок захрустел.

Бах! И рама стала вырываться из стен.

Грин снял рюкзак с попутчицей и уложил на пол, а сам встал с пистолетом напротив двери.

Бах! Деревянная дверь треснула, и в проломе показалась мощная рука, схватившая край отверстия, доламывая его. Уродливая морда просунулась в проём. Грин с сомнением

посмотрел на неё, а затем на верный револьвер. Как-то не верилось, что такую тварь можно завалить из него. И не думалось, что монстр так легко даст выстрелить себе в глаз. Грин трезво оценил свои силы – кортик, нож и револьвер, электрошокер и немного яда... Что ж, можно слегка помучиться перед смертью. Грин щёлкнул шокером. Появилась дуга и негромкий треск. Топтун выдернул лапу назад и дёрнулся сам. Грин подскочил и всадил смазанный ядом кортик в культю. Топтун взревел и ломанул хрупкую дверь так, что она треснула поперёк. Она хрустнула ломаясь, и монстр ввалился в помещение. Грин выстрелил – бесполезно, пуля этой туше была что слону дробина. И Баклан ещё говорил, что сильных заражённых яд замедлит? А между тем топтун навалился сверху всей тушей, как медведь, и утробно взревел прямо в лицо, открыв пасть. Грин лежал на полу, в глазах было темно, рёбра теперь точно сломаны, и если бы топтун здоровой лапой не упирался в пол или хотя бы имел вторую здоровую, то легко оторвал бы ему голову. Грин, не глядя, выстрелил в пасть твари, а затем сунул в неё старое скомканное пальто, которое упало с вешалки, когда началась вся потасовка. Огромный ком одежды не давал пасти полностью закрыться.

Топтун рывком поднялся. Грин стал на спине отползать от чудовища. Девушка рядом замычала. Грин повернул к ней голову. Она замычала ещё сильнее и головой показала на револьвер. Грин понял сразу и, наведя оружие ей на голову,

нажал на спуск. Выстрела не последовало. Грин нажал ещё раз и ещё раз. Выстрела не было.

«Ну да, – отстранённо подумал Грин, – две пули во время первой охоты на заражённого, потом пуля через дверной глазок. После – выстрел в грудь Мосфету. Итого – четыре пули. И теперь одна в голову топтуна без последствий, и вторая ему в пасть. Итого шесть. Барабан пуст».

Он почувствовал, как сзади на него рухнул и навалился топтун.

«Всё, – мелькнула мысль. – Это конец».

В глазах стало темно, и Грин ещё успел удивиться, почему до сих пор не чувствует укуса, а затем понял, что теряет сознание.

Глава 14

Тяжёлая ноша. Часть вторая

Грин пришёл в себя с ощущением огромной тяжести на спине. Топтун не двигался. Кряхтя и тихо матерясь, Грин стал выползать из-под огромной туши. Всё тело болело. Ощущение было такое, как будто в него на полной скорости врезался велосипедист в защитной экипировке. Выползая кое-как из-под туши, он тут же прислонился к стене. Голова сильно кружилась, перед глазами плавали пятна – как бы не было сотрясения. Отдышавшись немного, Грин подполз к мёртвому топтуну. Повезло, что этот хищник был уже без одной руки, да и зарубцевавшаяся рана на боку говорила о том, что хищник весьма нездоров и слаб. На морде, частично покрытой костяной бронёй, осталась едва заметная царапина – попытка Грина застрелить тварь.

Разглядывая голову, Грин первым делом обратил внимание на веко и жёсткую мигательную перепонку, судя по всему, способную выдержать скользящий удар ножом. Было безумием пытаться прострелить ему глаз. Грин открыл пасть твари. У топтуна не было перегородки, отделяющей ротовую полость от глотки. Правильно. Он же хищник – мясо глотал сразу, не разжёвывая, крупными кусками. Пуля попала в пасть, по диагонали попала в мозжечок и, продолжая дви-

жение, ударила в череп изнутри, заставив последний треснуть, и застряла. Мозг даже не задела – фактически она прошла под ним. Мелкие осколки черепа ушли в споровый мешок на затылке, вызвав мгновенную смерть. М-да... Если бы траектория пули была иной, то, возможно, топтун остался бы жив и хорошо покушал человечинки. Непонятно, почему он вскочил – то ли так повёл себя из-за травмированного мозжечка, то ли просто в попытке оторваться от пола и освободившейся лапой вырвать ткань из пасти. Впрочем, уже неважно.

«Какой у него калибр?» – задумчиво посмотрел Грин на револьвер и стал потрошить затылок топтуна, чувствуя себя мясником. Топтун обогатил его сразу тремя споранами и двумя горошинами. Чувствуя, что жизнь налаживается, тут же достал запасную флягу с разбавленным медицинским спиртом и приготовил живец – хорошо иметь при себе две ёмкости. Выпив немного живца и почувствовав себя лучше, Грин влил небольшую дозу в рот девушки, которая пребывала в состоянии шока, и, привычно взвалив её на спину, пошёл дальше. Настроение стремительно улучшалось. Было странно, как маленькая победа так быстро взбодрила его. Впервые даже захотелось петь, разговаривать и если не смеяться, то хотя бы улыбнуться.

– Ну вот и обошлось, – сказал он. – Боялась? Я так боялся, что чуть в штаны не наложил. Фух... до сих пор страшно. Этот топтун прямо-таки родственник Мосфета. Вылитый

старший брат или отец – такой же урод со склонностью к каннибализму.

Грин немного помолчал.

– Теперь нам нужна пища, живец и покой. Один мой трусливый знакомый говорил, что, обильно питаясь и попивая живец, можно заживить любые раны, даже восстановить оторванные конечности. Никогда бы не поверил в такое. Хотя знаешь, я бы и в топтуна раньше не поверил...

Грин шёл, болтая без умолку, и на душе становилось как-то спокойно. Весь кошмар произошедшего его уже не пугал так, как раньше. Примерно так же он чувствовал себя, угощая Баклана и Чучело живцом или помогая проводнице из поезда.

Вдруг впереди вышла знакомо сутулящаяся фигура.

– Грин? – спросила она громким шёпотом.

Грин взгляделся, сделал шаг и спросил:

– Баклан, ты, что ли?

– Я. – Баклан чуть помялся и полностью вышел из-за угла.

Грин даже улыбнулся и пошёл навстречу. Ещё одна знакомая фигура вышла из-за угла.

– Ты? – удивился Грин. – Ты живой?

Чучело только трусливо кивнул. Дуэт неудачников снова был в сборе. Грин расхохотался и пошёл навстречу.

– Ты это... – Баклан замялся, трусливо отведя глаза. – Я трусил и сбежал... И сделать бы ничего не смог...

Грин только поморщился – чего ещё было ожидать от

него?

– Забудь, – просто сказал он. – Ты вовремя. Хотел спросить, до ближайшего стаба в какую сторону? И сколько идти?

– Километров десять. На юг, – помедлил с ответом Баклан. – Но придётся пройти через Адскую станцию. Или вообще все тридцать – если делать крюк и обходить её.

Грин задумался.

– Так перезагрузка уже была, и следующая не скоро, – вслух подумал он. – Там уже пусто должно быть.

– Угу, – грустно кивнул Баклан. – И мелочь из соседних кластеров пойдёт туда прятаться от крупных хищников.

– Ладно... – чуть помрачнел Грин. – Пошли пока в ту сторону – проводишь, а там и с другой дорогой определиться можно будет.

Он поймал на себе пристальный взгляд.

– А? Эта та женщина, которую муры тогда резали.

– А-а-а... – односложно ответил Баклан и отвёл глаза. Его напарник тоже как-то притих.

– Ну, пошли, что ли? – спросил Грин, бодро зашагав. Парочка пошла рядом.

– А ты как вообще выжил? – спросил Грин у Чучела.

– Я с балкона упал, – чуть улыбнулся тот. – А пока падал – дар открылся. Как мячик резиновый запрыгал. Мозги, правда, встряхнуло, и шкуру ободрал, синяков набил, но ни одного перелома, ни одного ушиба. В соседнем квартале в мусорке спрятался и сидел, а потом ушёл.

– Мозгов у тебя нет, вот и не сотряс, – хмыкнул Баклан.
Чучело хихикнуло.

И фраза, и реакция были какие-то неестественные, но Грин не понял, что именно в них было не так. Все трое, вернее, четверо двинулись дальше. Однако настроение как-то неуловимо переменялось. Баклан что-то неестественно бодро рассказывал, Чучело отвечал невпопад, и при этом оба поглядывали на Грина мельком, иногда вообще старательно не смотрели. Какое-то нехорошее подозрение проникло в душу. Грин аккуратно придержал арбалет на бедре – единственная вещь, от которой сейчас был толк – револьвер разряжен, а с ножами ему будет несколько трудновато. Куда же ведут его эти двое? Что вообще задумали? Грин чуть приотстал и взвёл тетиву, но вкладывать стрелу пока не спешил. Чуть подумав, он решил, что лучше будет допрашивать этих клоунов в помещении, нежели на открытой улице.

– Мужики, – окликнул он идущую впереди парочку. – Давайте зайдём куда-нибудь?

– Зачем? – не поняли те.

– Да хочу продуктов поискать, перекусить немного, да и... – Грин замялся, подбирая слово. – Попутчицу подкормить.

На этих слова Баклан как-то излишне резко отвёл глаза, а Чучело разом побледнел. Грин понял всё моментально, ещё не веря в это, но уже поспешно снимая рюкзак. Бережно опустив на землю, Грин взглянул на попутчицу, а потом прило-

жил палец к шее, нащупывая пульс.

Девушка была мертва.

Глава 15

Тяжёлая ноша. Часть третья

Грин какое-то время тупо пялился на труп, то бросаясь щупать пульс, то пытаюсь услышать дыхание, то проверяя реакцию зрачков на свет. Потом просто сидел, тормоша и разглядывая тело.

– Подождите, – сказал он дуэту неудачников. – Вдруг ещё очнётся.

Но уже понимал сам – она не очнётся, и спасти не удастся. Его невольные напарники это тоже понимали, но промолчали. Грин попытался сделать массаж сердца – безрезультатно. Вколол несколько кубиков живца под кожу, в мышцу и в вену – всё то же. Затем немного посидел, с минуту разглядывая покойницу, и тихо спросил:

– Давно?

– С момента встречи, – так же тихо ответил Баклан. – Мы не хотели говорить.

– Угу. Спасибо. – Грин кивнул и стал снова водружать рюкзак с трупом на спину.

– Грин? – осторожно спросил Чучело.

– Да, я всё понимаю, – равнодушно ответил тот. – И в порядке... Она бы всё равно скончалась ещё до стаба – куча ран, дикий шок, огромная нагрузка на сердце и мозг. Даже

странно, что сегодня ещё была жива.

– А тело зачем снова взял?

– Ну не оставлять же её тут зверям на прокорм, – пожал плечами Грин. – Как-то это не по-человечески.

Баклан внимательно всматривался в него.

– Правильно, – сказал он наконец. – Давай похороним по местным обычаям – закроем в пустой квартире, а с перегрузкой тело само исчезнет.

– А почему бы и нет? – пожал плечами Грин и как-то мимоходом отметил собственное хладнокровие...

По пути Баклан обернулся на него несколько раз, а сам Грин поймал себя на том, что тянет руку за спину, чтобы нащупать в своей ноше хоть какие-то признаки жизни. Пустую квартиру нашли быстро, на десятом этаже многоэтажки – так была большая вероятность, что заражённые не почуют запах тлена. Грин с равнодушием патологоанатома прошёл в одну из комнат с широкой кроватью, положил на неё немую покойницу и закрыл простынёй. Из напитков был только живец, который распили молча, после чего, выйдя, заперли дверь и стали спускаться вниз.

– Да в порядке я, – отмахнулся Грин от Баклана.

Баклан промолчал. С огромным трудом в разорённых магазинах удалось найти остатки продуктов, годных в пищу – мародёры и рейдеры подмели всё. Ближе к вечеру нашли пустую квартиру и, нехитро поужинав, начали клевать носом. Оставив попутчиков за столом, Грин вышел в пустую комна-

ту. Очень хотелось побыть одному. В одиночестве он опёрся на подоконник и стал смотреть на догорающий закат. Спокойствие было просто змеиное. Вдруг Грин понял, что чувствует себя как-то странно – словно плывёт, отхлебнув разбавленного спирта. Что такое? Он вроде не пил... Грин отошёл от окна и почувствовал, что его шатает. Всё вокруг стало каким-то чётким и одновременно расплывчатым, как в начале попойки. В голове забухал набат. Грин опёрся на стену, не понимая, что происходит, – пил только свой живец, ел сыр и галеты и даже не опьянел. Почему сейчас так ломает? Руки болели как не свои, тело шатало, в голове словно носились черти.

– Эй, ты спишь? – В комнату вошёл Баклан.

– Нет... Что со мной? – спросил Грин.

Баклан подошёл, внимательно глядя на него.

– Дай-ка руку, – сказал он.

Грин протянул руку.

– Да у тебя пульс скачет как бешеный, – сказал он. – Как у коня загнанного. И давление, наверное, сейчас такое, что ты должен быть как пьяный.

– Ты меня отравил? – печально улыбнулся Грин.

– Ты чего? – вытаращился Баклан. – Я бы никогда... Это тебя откатом накрыло...

– Каким откатом? – не понял Грин.

– А таким... Когда тебе плохо, а ты держаться стараешься, потом сразу накрывает. У кого в мозгу тромб отрывается,

кого параличом разобьёт сразу, у кого сердце уколёт...

– Да я и не сдерживался... – вяло отмахнулся Грин. – Я в порядке...

– Ага, ага... – скривился Баклан. – Если бы не сдерживался, а в порядке был, то там бы эту покойницу и оставил, а не тормошил минут двадцать, да и потом не пытался постоянно у трупа пульс нащупать.

Грин промолчал.

– Ляг и попробуй отоспаться, – буркнул Баклан уходя.

Грин не уснул. Ни через час, ни через два, ни через три. Аномальная бессонница. Уснуть не получалось никак. Сон не шёл. Мысли роились в голове назойливыми мошками, головная боль и усталость нарастали. Грин повернул голову, вздрогнул и сдержался, чтобы не заорать – рядом с ним на кровати лежала утренняя покойница и смотрела на него в упор живыми глазами. Грин свалился с кровати, продолжая смотреть в эти глаза, чувствуя, как пульс учащается. Покойница открыла рот, показав обрубок языка, и протянула к нему остаток руки, указывая на него. Грин пополз спиной вперёд, затем вскочил и развернулся к двери, но тут же замер – в дверном проёме стоял, улыбаясь своей звериной улыбкой, Мосфет.

– Что, Грин, страшно? – ухмыльнулся он. – Это ведь ты виноват, что она стала такой и умерла.

Грин поднялся.

– Ты... – Грин облизал губы. – Ублюдок, тварь! Это ведь

ты её замучил!

– Да ну? – протянул Мосфет. – Ты ведь сам не стал выходить, и мне пришлось порезать её... Хотя я искал не тебя, но какая разница? Ты бы тоже сгодился.

– Мразь, зачем ты вообще её пытал?

– Ну должен же я был на ком-то отыгаться? – недоумённо посмотрел на него Мосфет. – Ты не представляешь, как весело смотреть на человека, когда режешь ему пальцы. Это даже круче, чем смотреть фильм «Пила».

– Заткнись! – рявкнул Грин, разворачиваясь.

Напротив окна стоял Николай Викторович с его бывшей кафедры.

– Дядя Коля? – тупо спросил Грин.

– Для тебя – Николай Викторович, щенок, – окрысился тот. – Куда тебе до моего опыта, шёл ты бы лучше с кафедры – я хочу на постоянное место перейти.

– А не пошёл бы ты сам куда, а? – огрызнулся Грин. – Трепло помойное, ты почему меня бросил, ещё и мимо прошёл?

– Да кому ты нужен, слюнтяй? – брезгливо скривился дядя Коля. – Ты бы меня только тормозил. Ты даже бабу эту резаную потащил. Придурок. Надо было бросить там же. Кто она тебе? Никто. Стоило на неё силы тратить, она бы и так умерла.

– Да пошёл ты к чёрту, урод! – ринулся на него Грин, но споткнулся и упал.

– Вставай. – Чьи-то руки аккуратно помогли ему подняться.

Рядом стояли Баклан и Чучело.

– Мог бы просто добить её, – коротко сказал один.

– Если патронов было жалко, то тогда стилетом в сердце, – добавил второй. – Она и сама этого хотела.

Грин схватился за голову и сел на кровать, приходя в себя и понимая, что он один в комнате. Кошмар оказался слишком реалистичен. Сон совсем выбил его из колеи.

– Вот, значит, как я спокоен, – вслух сказал Грин. – Откат, значит...

Больше уснуть не получилось. Грин до самого утра просидел у стены, размышляя, как следовало поступить. Уже под самое утро, на заре, ему в голову пришла мысль, что покойница, которую они похоронили, на самом деле живая, и нужно скорее вернуться к ней. Поняв, что это уже психоз, Грин заскрежетал зубами. Утро он встретил разбитым и больным. Когда попробовал пошевелиться, то понял, что любое движение даётся с трудом. Есть не хотелось совершенно. Когда зашёл Баклан, он еле ковылял, держась за стену.

– Ты как себя чувствуешь? – спросил Баклан.

– Да нормально, – просипел Грин.

Баклан молча кивнул. Завтракать, в отличие от двух других спутников, Грин не стал. Ходьба по улице далась ему ещё сложнее.

– Ну вот, – преувеличенно бодро сказал Баклан. – Часа

через два выйдем к Адской станции, там и решим, какой дорогой пойдём.

Грин только слабо кивнул. Перед глазами то и дело вспыхивали цветные пятна, тело болело. Его шатало как пьяного. Два часа превратились в невыносимую пытку.

– Вот и пришли, – как-то даже облегчённо объявил Баклан. – На юг десять километров до стаба, пугаясь каждой тени, или все тридцать на юго-восток, но относительно без-опасно...

Грин прислонился спиной к стене и тяжело задышал.

– Ты как себя чувствуешь? – с опаской спросил Чучело.

– Жарко чего-то, – ответил Грин. – Очень жарко.

Баклан молча потрогал его лоб.

– Ты весь горишь, Грин, – тихо сказал он. – У тебя температура.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.